

Алина Ланская

За что ты меня ненавидишь?

«Литнет»

2024

Ланская А.

За что ты меня ненавидишь? / А. Ланская — «Литнет», 2024

— Это недоразумение, — мой голос дрожит, я не могу заставить себя поднять взгляд вверх. — Обещаю, такого никогда не повторится. — Не повторится, — соглашается Свят. Дарит мне крохотную надежду и тут же ее отбирает. — Потому что воры не могут учиться в нашем лицее. Нет! Нет! Нет! — Что ты хочешь?! — Даже так... Три желания. Будешь моей “золотой рыбкой”. Меня зовут Даша Ёлкина, мне 17 лет, еще недавно я была уверена, что страшнее выпускных экзаменов в моей жизни ничего нет. А теперь у меня только один вопрос: За что ты меня ненавидишь?

© Ланская А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	35
Глава 14	38
Глава 15	40
Глава 16	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глава 1

Приемная директрисы больше похожа на выставку в музее. Вся комната заставлена блестящими кубками и медалями, которые выиграл наш лицей.

За полтора года учебы меня впервые вызвали в этот кабинет. Не знаю, куда руки деть от волнения.

Слышу, как по паркету грозно стучат каблуки нашей Лидии Михайловны, и ожидаю ее увидеть, как только откроется дверь приемной. Но входит не она.

— Лиза? — удивленно гляжу на свою подругу Мякишеву. Она бледная и напуганная. Но когда видит меня, чуть улыбается.

А за ее спиной уже возвышается “Святая троица”: Брин, Марика и Ливенский.

— Может, включишь голову и пройдешь вперед? Ты размокла, Мякишева?

Лизку бесцеремонно подталкивают вперед, а я отвожу взгляд в сторону. Всегда так делаю, когда вижу Святого. То есть Святослава Брина, яркого представителя темных сил нашего лицея. Ну, это только я так считаю, а все в классе его обожают, даже учителя считают этого высокого скандинава отличным парнем, с которого всем надо брать пример.

И только у меня с ним не сложилось.

— Привет, Даш! — мелодичный голос принадлежит подружке Свята, нашей однокласснице Марике.

Тоже, наверное, гадает, что мы здесь делаем. Никаких косяков за нами, вроде, не числится, но мне все равно страшно.

Пока Свят отвлекается на стеллаж с наградами, Тим Ливенский ободряюще подмигивает мне, я в ответ несмело улыбаюсь.

Наконец, появляется директриса Лидия Михайловна. Ей глубоко за пятьдесят, и выглядит она, как женщина, которая искренне считает, что внешность это не главное. Хотя мне кажется, если бы она чаще улыбалась, ее и любили бы больше.

— Ко мне в кабинет. Все. — она открывает дверь, пропуская вперед сначала Марику, потом нас с Лизой. Парни заходят последними. — Садитесь. Разговор есть. И очень серьезный.

Мы с Марикой и Тимом недоуменно переглядываемся, Брин равнодушно смотрит на Лидию Михайловну. Наверное, он один во всем лицее ее не боится.

— Сегодня утром к нам приезжала комиссия из министерства, — стальным голосом начинает директриса, сжимая в руке золотой “паркер”. — Она заседала на втором этаже в двадцатой аудитории.

— Я была там сегодня, — восклицает Марика. — Нас со Святом попросили туда отнести атласы...

— Да видела я вас в коридоре, когда камеры смотрела, — с досадой вздыхает директриса. — А еще Тимофея, Дашу и Лизу. Поэтому вы все пятеро и сидите здесь.

— Так что случилось-то? — Тим поглядывает на часы на стене. — У меня через полчаса репетитор по японскому.

— Репетитор подождет! — от тяжелого взгляда Лидии Михайловны хочется спрятаться. — У главы комиссии из сумки исчезла ценная вещь. Очень ценная. В нашем лицее. И скорее всего, ее взял кто-то из вас пятерых.

Ливенский так и застыл с открытым ртом. Да и кто его обвинит в этом? Мы с Лизкой сидим, как прибитые, только что и можем, так переглядываться друг с другом.

— Это... это невозможно, Лидия Михайловна, — Марика неуверенно обводит нас взглядом, но потом уже более настойчиво продолжает. — Никто бы не посмел... у нас в лицее никогда никакого воровства, да и контингент более чем приличный. Кому тут воровать?!

— Может, сама потеряла свою ценную вещь, а на нас свалить хочет?

— Ливенский! Как у тебя язык только повернулся?

— Ну, а что? Мы даже не знаем, что за вещь? Я в кабинет заглядывал вообще на минуту. Не видел никакой там сумки...

Тим возмущается, и я с ним согласна. Да и с Марикой тоже. Никто бы не стал так рисковать своим будущим. И ради чего?

— Камеры? — молчавший до этого момента Свят холодно смотрит на директрису.

— Внутри двадцатой аудитории? Выключили, раз комиссия там полдня заседала. Но кабинет весь обыскали.

Марика недовольно отбрасывает блестящие черные волосы назад.

— А теперь что? Будете обыскивать нас? Я против!

— Не имеете права. Мы — несовершеннолетние, — Тим оборачивается к Святу, но тот молчит. Сложил пальцы домиком и не сводит глаз с директрисы. А та только еще больше суетится.

— По уставу лица могу! Но только в присутствии родителей и главы родительского комитета. Но вы же понимаете, что это значит? У вас у всех поступление на носу! Подумайте об огласке, и что за ней последует! Особенно жалко тех, кто точно ничего не брал.

— Я не буду открывать свой шкафчик, — качает головой Тим. — И сумку не дам. Это личное.

— А про сплетни ты подумал? — Марика как всегда соображает быстро. — И про родов! У меня папа в депутаты избирается. Ему только этого не хватало! И не докажешь потом, что я просто мимо проходила... Свят, скажи ему!

Все, как по команде, поворачиваются к Брину.

Он выдерживает паузу, нагоняя еще больше напряжения. Но все молчат, ждут, даже директриса, и та замерла.

— Что вы хотите от нас, Лидия Михайловна? — Свят, наконец, соизволил спросить.

Не знаю, как у него так получается, но где и с кем бы он ни находился, всегда оттягивает на себя внимание. И не только девочек и женщин, к нему и парни тянутся. Тот же Тим. То есть Ливенский стал Тимом только в прошлом году, когда у нас в классе Брин появился. А до этого он был Тимохой или Тимонычем. Моим лучшим другом.

— Я хочу, чтобы вы сами решили этот вопрос, — на лице директрисы легко читается облегчение. — Между собой, ребята. Кулуарно, так сказать. Святослав, я очень на тебя рассчитываю.

Вот как, значит? Чужими руками и без огласки. Наверняка она и знать не хочет, кто вор. Родители же у всех при статусе, Ну, почти у всех.

— Хорошо, — Брин едва заметно кивает. — Я верну вам украденную ценную вещь. Кстати, что это?

— Часы “Лонжин” в фирменной коробке, темно-синей, — с готовностью отвечает Лидия Михайловна.

— Спасибо!

— Через час они будут у вас, — обещает Свят и, не спрашивая разрешения, поднимается со стула. — Все за мной.

Глава 2

Марика с Брином идут впереди нас, держась, как обычно за руки. За ними следом мы с Мякишевой. А замыкает нашу процессию Тим.

Свят что-то шепчет своей девушке на ухо, и она весело смеется. Красивая пара. Очень. Если б у нас выбирали кого-то типа “Мисс лицей” и “Мистер лицей”, у этих двоих не было бы конкурентов.

Когда прошлой весной Брин появился у нас, это стало настоящим событием. Не помню, чтобы когда-то так обсуждали новенького, да еще всем лицеем.

Красивый, умный, на стиле. И загадочный. Девчонки по нему сохли, правда, на расстоянии. Почему-то никто не осмеливался подойти. Но все ждали, на кого он сам обратит внимание. И Брин не подвел — быстро сделал свой выбор. Самый логичный и естественный из всех возможных.

С Марикой или Мариной Шацкой мы никогда не дружили, слишком разные во всем. Но она всегда фанатела от моих волос. Цвета спелой пшеницы, как сама говорила. Однажды в девятом классе даже потащила меня к своему стилисту, чтобы показать, как именно хочет покраситься. И, кстати, добилась своего. Она вообще из тех девчонок, кто всегда получает, что хочет, и при этом не слывет конченной стервой, которая ходит по головам.

Я помню, как Марика хвасталась своей подружке Оле Васнецовой:

— Хорошо затонировали, правда? Блонд — это, прям, моё.

Они не заметили, что за спиной стоял Брин и слушал их.

— Тебе не идет этот цвет. Хотя... как хочешь.

И пошел себе дальше.

На следующий день Марика пришла с темным каре. А еще через три они со Святом начали встречаться.

Останавливаемся у двадцатой аудитории, Брин открывает дверь, как бы приглашая всех зайти.

Очень неприятно рядом с ним находиться. Я всегда внутренне съеживаюсь, когда чувствую присутствие Брина. И это при том, что за все время, что учимся в месте, мы с ним не то что не ссорились, даже парой слов не перекинулись. И все равно, я точно знаю, что не нравлюсь ему. Это не мои домыслы. Мякишева, например, тоже так считает. Да и Тим, хоть и не говорит прямо, но всегда красноречиво отводит взгляд в сторону.

— Это, конечно, топ — пообещать Лидии найти вора, но, Свят, ты реально в теме? На японский я уже опоздал!

— Можешь вывернуть свое барахло на парту и валить на японский, Тим.

Брин равнодушно поглядывает на друга. Вид у Святого такой, будто это он нам всем делает одолжение.

— Уверена, что он ни при чем! Как и я. — Марика садится рядом со своим парнем и весело смотрит на нас с Лизой. — Да и Ёлка-божий одуванчик точно не сперла “Лонжин”. Она часов-то не носит, да, Дашуль?

Вроде, и хорошо, что меня не подозревают, но тон Марики корбит. Для нее это все игра и развлечение. Дурацкое прозвище еще вспомнила.

— Риал хочешь посмотреть, что у меня там?! — Ливенский с грохотом опускает свой рюкзак на парту. — Валяй!

— Сам давай!

Они играют в гляделки несколько секунд, а потом Тим начинает вынимать учебники, тетради, скетчбук, ручки, айподсы... Отворачиваю голову в сторону, потому что это так унижительно. Не знаю, что хуже — вот так выворачивать свое личное напоказ или смотреть на это.

— Довольны? — Ливенский весь красный начинает обратно укладывать свои вещи.

— Не психуй, Тим, — Свят примиряюще похлопывает его по плечу. — Все на равных. Можешь гнать на свой японский.

— Ну, уж нет! Я теперь на всех посмотрю! Давай ты.

— Легко.

Брин, как фокусник, открывает свою сумку, в которой ожидаемо нет ничего сомнительного. Как будто подготовился! Из интимного — только упаковка одноразовых платков.

— Остались дамы, — ухмыляется Свят. — Детка, покажи мастер-класс.

Это он Шацкой. Противно так, как будто подглядываю за ласками влюбленной парочки. Поэтому переключаю внимание на Лизу, которая, не отрывая взгляда, смотрит в окно, вообще не реагируя на то, что здесь происходит.

— Лиз, — тяну ее за рукав к себе. От неожиданности она подпрыгивает на стуле. — Ну, ты чего?

— Н-нет, ничего. Пить просто хочется... я сейчас приду.

— Стоять! — Свят, как стервятник, уже возвышается над моей Мякишевой. — Никто отсюда не уйдет.

— Но она пить хочет! — возмущаюсь я. Первый раз вот так спорю с Брином. Он, кажется, удивлен, но до ответа мне не снисходит. Вытаскивает из кармана маленькую бутылку воды.

— Пей!

На Мякишеву страшно смотреть. Она дрожащими руками берет бутылку и залпом ее выпивает.

— Ну, мне долго тут стоять?! — Марика нервно стучит учебником по столу. — Нет у меня ничего, ясно? Лапать свою косметичку никому не дам, но она прозрачная, и так все видно.

Ее рюкзак полон всякой всячины, не относящейся к учебе, типа стайлера и трех разных флаконов духов, но синей фирменной коробки, конечно, нет.

— Остались Даша и Лиза. Свят, ты реально думаешь, что это кто-то из девчонок? По мне, так Лидия не была убедительна. Какой идиот будет таскать с собой такое палево, а?

— А я за то, чтобы всех обшмонали, Тим. Нас проверили, а Мякишеву с Ёлкой нет? Они особенные, что ли? Свят?

Марика поворачивается к Брину, ждет его решения. Мы все ждем. Не знаю, как так вообще получилось, что он и здесь всем командует? Потому что директриса попросила именно его устроить шмон? Или потому что ему никогда в этом лицее не говорили “нет”?!

— Все на равных. Девочки пусть сами решают, кто первая. Это не больно, если что.

Еще и издевается. Почему этого никто не видит? Хочу поскорее отсюда уйти и забрать с собой Мякишеву.

— Давайте я, но у меня нет ничего... Смотрите!

Марика лениво зеваает. Она, как и Тим, не верят, что я могла что-то украсть. Да это вообще полный бред. И будь я хоть немного посмелее, обязательно сказала бы это вслух.

— Мякишева!

Вздрагиваю от возгласа Святого, а Лиза так вообще чуть сознание не теряет. На ней лица нет. Руки даже трясутся. И не помоги я ей сейчас, она даже рюкзак бы свой уронила.

— Лиз! Лиза! Ну, ты чего? — растерянно спрашиваю, ничего не понимая. — Что?

— А ты открой ее рюкзак, Ёлка, — ровным голосом, в котором нет и капли веселья, велит мне Шацкая. — Если кто и может быть вором среди нас, то только она. Сама знаешь, какие у нее гены. Давай, Даш, сними ты уже свои розовые очки!

Мне хочется сказать резкость Марике, а еще больше наругать Святу и надавать по шее Тиму, за то что молчит. Но вместо этого с силой дергаю молнию на Лизкином рюкзаке.

— Вот, пожалуйста, — кошусь на Мякишеву и начинаю доставать ее вещи. — Ничего нет... такого... О, господи!

Ладонь, как клеймо, обжигает синяя коробка с логотипом известных часов. Лиза?! Как же так?!

— Не господи, а всего лишь старый добрый “Лонжин”, — протягивает Брин. Он стоит за спиной, от его близости по моему телу пробежал колкий страх. Как будто это меня за руку схватили. — Ну, что ж, вор пойман. Что будем с ней делать?

Глава 3

Это невозможно! Отодвигаюсь подальше от Свята. Все мои инстинкты вопят — не приближайся к этому парню! Вот и сейчас чувствую угрозу от него, как будто я преступница, а он палач.

— Я не верю, — сглатываю ком в горле, шепчу так, что меня едва слышно. Нет, Лиза не могла. Я ее знаю, как облупленную. Мы с ней уже три года дружим, столько всего знаем друг о друге, она не раз ночевала у нас дома. И ничего никогда не пропадало. Мне даже стыдно думать о таком.

— Глазам своим ты не веришь, Даш? Очнись уже! — Марика спрыгивает со стола и подходит к нам. Высокая, красивая и уверенная в своей правоте. — Только ты со своей наивностью можешь доверять ей. Мы только ради тебя ее и терпим. То есть терпели.

— Лиз, Лиза, — кладу руку на плечо Мякишевой, она вздрагивает, но голову не поднимает. Так и сидит, вжавшись в парту. — Это же... недоразумение, да? Ну, не могла ты специально... взять, да?

Она не отвечает, только полные плечи тихонько подрагивают.

Оглядываюсь на Тима, он к Лизе всегда хорошо относился. Но Ливенский лишь угрюмо смотрит в пол.

Так хочется подойти и растормошить его, чтобы он улыбнулся мне, как раньше, когда мы понимали друг друга с полуслова! Но те времена прошли, и я не уверена, что Тим их помнит. Иначе не поверил бы, как и я.

И все же, с трудом подавляю в душе разочарование.

— Лиз, — присаживаюсь рядом с подругой и мягко дотрагиваюсь до ее макушки. — Лиза, расскажи, объясни, пожалуйста. Ну, ты же не могла... а может... Тебе это подкинули?

Мне сразу же кажется, что так оно и было. Какой-то подонок решил так зло подшутить над моей Мякишевой, зная, что у нее здесь никого, кроме меня, нет.

Лиза молчит, зато я слышу возмущенный выдох Марики.

— Да кому она сдалась — ее подставлять?!

Я бы напомнила Марике ее же слова, что все терпят Лизу только из-за меня, но не могу это сделать при подруге. Она и так переживает, что не очень популярна.

— Я... я... Даш, прости, — гундосит Мякишева. Она, наконец, поднимает голову от парты. Лицо зареванное, еще и тушь потекла с глаз. — Я... я не хотела...случайно...

— Чего ты не хотела? — снова влезает Шацкая. — Шмонать тетку из министерства?! Идиотка! Весь лицей подставила. Это тебе нечего терять, а вот нам...

— Спокойно, Мар. Не стоит нервничать, надо решить, что с ней сделать.

Свят снова обнимает свою девушку, и я отворачиваюсь от них. Гляжу на несчастную Мякишеву, и в голове не укладывается: зачем?! Из-за денег?

— В смысле, что сделать, Свят? Выгнать ее отсюда. Сдать Лидии, пусть придумает что-то, только чтобы без огласки.

— Кто согласен с Марикой?

Брин снисходительно смотрит на нас, цепляется за меня взглядом, шурит глаза. С трудом, но я выдерживаю взгляд. Не ради себя, ради Мякишевой.

Шацкая с готовностью поднимает руку, улыбается, видя, как то же самое делает и Свят.

— Тим? — Марика требовательно смотрит на Ливенского. — Или ты хочешь постоянно проверять, не украли ли у тебя чего из кармана? Ладно Ёлка, она до седьмого класса котят с улицы таскала, но ты же не блаженный!

Шацкая знает, как больно уколоть, но мне сейчас не до обид за себя.

— Тимош! Мы даже не дали Лизе слова сказать! Может..., — восклицаю и вижу, как Ливенский, не глядя на меня, тяжело поднимает руку вверх.

— А что здесь говорить, Даш? — Марика берет в руки коробку с часами и открывает ее. — Красивые, но модель старая, у мамы, вроде, были. Твоя подружка — воровка и должна за это понести наказание.

— Лиз! — пытаюсь хоть как-то растормошить Мякишеву. — Лиза! Скажи что-нибудь! Тебя... может, тебя кто-то заставил?

Я сама уже чуть не плачу.

— Никто не заставлял, — глухим, не своим голосом произносит Лиза. — Я сама, увидела, что сумка на столе, и нет никого рядом... я... само как-то получилось.

От признания Мякишевой у меня внутри все обрывается. Ловлю воздух губами, но совсем не чувствую кислорода, а Лизка опять рыдать начинает. Уже до истерики, не знаю, как ее успокоить.

— Объективно, Мякишева — лишняя здесь. И в классе, и в лицее. Толку от нее никакого, успеваемость низкая, не волонтер и не спортсмен, коллективный балл у нас всех из-за нее ниже. Она всех тянет вниз, а теперь еще и воровка.

Брин садится на парту и говорит ужасные слова про Лизу. Как будто ее нет рядом, или она — пустое место.

— Согласна! Надо вернуть Лидии часы, и пусть отчисляет...

— Не надо! — тихо шепчу, но меня все равно слышат. Марика бросает в мою сторону изумленно-возмущенный взгляд.

— Ты что-то сказала, Ёлка?

Тушуюсь от непривычного внимания к себе, все сейчас смотрят на меня, даже Ливенский, наконец, поднял голову. Пальцы подрагивают от напряжения, а в груди поднимается паника. Мякишеву мою сейчас застрелят и сдадут. Какая я подруга, если вот так буду стоять и молчать?

— Тебе, похоже, показалось, Марика, — равнодушно роняет Брин. — Ладно, и так долго провозились.

Он встает со стула и забирает проклятую коробку с часами, открывает ее. На холодном точеном лице ни капли эмоций. Как красота может быть настолько отвратительна и бездушна?!

Лиза громко всхлипывает и с немой мольбой глядит на Свята. Я не могу это видеть!

— Не надо, пожалуйста, — опустив голову, прошу я. — Нет, пожалуйста! Я очень прошу. Дайте ей шанс все исправить.

Видю перед собой лишь белые кроссовки Брина. Они у него стоят столько, сколько Лизкина мать зарабатывает за три месяца, и это, если еще премию подкинут.

— Исправить?! Как ты себе это представляешь? Маховик времени заимствуешь?

Марика открыто насмехается, отчего мне вообще хочется сбежать отсюда. И не слышать больше ее издевательского смеха.

— Я не знаю, как исправить! Но это же... каждый может оступиться, ребят. Лиза точно не хотела, я ее знаю...

Звучит жалко, сама это понимаю, но я не могу позволить Мякишевой вылететь из лица. Для нее это будет конец всему. Никто из них не знает, как на самом деле живет Лиза, а вот если бы знали, они точно ее отпустили бы, бедолагу. Но Мякишева молчит, как партизан. А я не имею права выдавать ее секрет.

— Это недоразумение, — мой голос дрожит, я не могу заставить себя поднять взгляд вверх. — Обещаю, такого никогда не повторится.

— Не повторится, — соглашается Свят. Дарит мне крохотную надежду и тут же ее отбирает. — Потому что воры не могут учиться в нашем лицее.

— Пожалуйста! — беспомощно оглядываюсь на Ливенского, но он даже не смотрит на меня.

— Любое преступление требует наказания, — Брин не спрашивает нашего мнения, он утверждает. — Как минимум расплаты. Но что-то не вижу я у Мякиша раскаяния и желания исправиться.

— Я... я..., — Лизка заходится от рыдания, слова сказать не может.

Тим вдруг срывается с места, ни слова не говоря, выбегает из аудитории.

— Я... я..., — мерзко передразнивает Лизу Брин. — Никчемное ничтожество. Даже постоять за себя не можешь.

Краска приливает к лицу, как будто мне вlepили пощечину, оборачиваюсь к Мякишевой, она совсем расклеилась.

— Не ее вина, что у нее нет ничего, Святослав! — впервые обращаюсь по имени к этому мерзавцу. Ну, не молчать же, когда подругу вот-вот сдадут директрисе. Я, конечно, узнаю, что за муха укусила Лизку, но потом.

— Хочешь за нее вписаться? Или просто языком мелешь, Даша-божий одуванчик?

— Не мелю! — от откровенного издевательства Свята, меня в дрожь бросает. А Марика сидит рядом, играет в телефон. Ее устраивает, как ведет себя ее парень.

— И на что ты готова ради подружки?

В его голубых глазах столько испепеляющего презрения, будто это я украла и не у какой-то тетки, а у него самого. Но я бы никогда так не поступила. Потому что на самом деле я безумно боюсь Брина. Этот животный страх не дает мне покоя с нашей первой встречи. Но отступить сейчас не могу.

— Что ты хочешь?! — с трудом проглатываю волнение. Я как тот кролик, что замер перед питоном, который в любой момент может напасть.

В горле колотится сердце, не могу его унять, не могу успокоить, пока Брин не ответит. Не скажет, что ему нужно, чтобы не сдавать Лизку. Ведь понятно же — все от него зависит. И Марика, и Тим будут молчать.

Я уже теряю счет времени, Мякишева, наконец, затихла, сидит и не дышит от напряжения, только смотрит затравленным взглядом.

— Даже так..., — в его глазах заплескали опасные огоньки. — Три желания. Будешь моей “золотой рыбкой”.

— Что?! — Шацкая подсакивает на месте, пока я пытаюсь переварить услышанное.

— Свят, ты вообще о чем? Это нормально, такое ей предлагать, да еще при мне?! Какие еще желания?!

— У тебя нет причин ревновать, — Свят ухмыляется, его явно раззадорила реакция его подружки. — Ничего такого. Я даже еще не придумал, чего хочу. Но если Даше не понравится, она в любой момент может отказаться. Никакого принуждения.

Марика успокаивается и даже улыбается.

От пристального взгляда Свята меня пробирает до костей.

— Я согласна.

Не представляю, что он задумал. “Ничего такого”. Я не Шацкая, я не способна верить Брину. Но смотрю в глаза Лизы, полные благодарных слез, понимаю, что все сделала правильно.

Глава 4

— Значит, мы плохо искали? — директриса пытливо смотрит на Брина, даже не пытаясь делать вид, что верит ему. — Под батареею закатилась коробка?

— Ага! — Свят открыто врет и прямо смотрит в глаза Лидии Михайловны. Ни капли не боится. Даже не смущается. А я всегда робею перед учителями, не говоря уже о директрисе. И никогда не лгу им.

— Может, заметили что подозрительное?

Директриса саркастично поджимает губы, потом цепким взглядом окидывает всю нашу компанию.

— Ничего, — отвечает за всех Брин. — Но если вдруг что-то вспомним, обязательно скажем.

Он улыбается краешком губ, едва заметно повернув голову в мою сторону.

Какая же это пытка — стоять здесь и умирать от страха, что он “передумает” и что-то “вспомнит”!

Но вот в кабинет стучится помощница, и нас, наконец, отпускают. Выхожу в коридор вся мокрая, рубашка прилипла к спине, так и хочется снять ее с себя, встать под душ и смыть весь этот пот и грязь. Весь этот день!

— Ну, что, держим языки за зубами, — негромко произносит Брин, когда все мы оказываемся на улице. — Но если Мякиш придет сдаваться, я против не буду. Сделает всем одолжение. Ну, или Даша-божий одуванчик, наконец, перестанет разыгрывать из себя сестру милосердия и поймет, что Лизе не место среди нас.

Мерзавец и провокатор!

— Ты обещал, — напоминаю я. — Если надо, я и больше выполняю желаний этих. Только Лизу оставь в покое. Пожалуйста.

Брин хищно скалится.

— Ты три хотя бы выполни. Ладно, всем пока!

Он отворачивается, чтобы, обняв Марику за плечи, уйти. Но Шацкая вдруг сбрасывает его руку и идет ко мне.

— Вообще, это как-то несправедливо получилось, — она смотрит с вызовом на меня и стоящего у меня за спиной Ливенского. — Мы все покрываем воровку, а желания только у Свята. Не дело это. Я, может, тоже хочу!

Лизка рядом испуганно ойкает.

— Мне ничего не надо, — резко обрубает Тим.

Не прощаясь ни с кем, он закидывает свой рюкзак за плечо и уходит. А я провожаю его грустным взглядом, снова думая о том, почему люди, которым ты доверяешь, как себе, вдруг становятся чужими.

— А мне надо! — вздрагиваю от неожиданно капризного тона Марики. Обычно она себя так не ведет. — Ёлка, как насчет недельного... нет, месячного абонемент в спа-салон твоей матушки? Я думаю, наш общий секрет того стоит.

Она требовательно смотрит на меня, а я уже вся дрожу от мысли о разговоре с мамой. Ей-то как все объяснить?

— Хорошо... я постараюсь.

— Постарайся! — надменно кивает Шацкая. — Завтра обсудим. Свят, пошли.

Словно боясь, что они передумают и останутся, я подхватываю Лизку под руку и чуть ли не тащу ее подальше от лица.

И тут Мякишеву, которая двух слов не могла сказать все это время, мощно прорывает.

— Даша, Дашулька, ты просто космос... я не ожидала, что ты такая, то есть я всегда знала, что ты — лучшая, и мне повезло с тобой, но я думала, ты меня кинешь, как они. Разочаруешься и бросишь. Я не хотела, Даш, я не воровка, клянусь, никогда больше ничего чужого не возьму. Только не бросай меня!

Вцепляется в меня руками, почти виснет на мне. Тяжеловато — я намного ниже ее, и до Лизкиных форм мне далеко, но терпеливо жду, когда она сама меня отпустит.

— Пошли в “Шоколадницу”, — вздыхаю, когда Мякишева постепенно успокаивается, и ее взгляд становится более осмысленным. — У них время ланча, можно взять комплексный обед.

— Я если только посмотреть, как ты ешь. Я опять на диете.

— Тебя снова взвешивали?

Лизка страдальчески кивает, я могу только представить, как ей сейчас тяжело. Любой стресс Мякишева заедает, только так может успокоиться.

Вот и смотрит голодными глазами на тарелку со спагетти, когда через двадцать минут мы сидим на мягких диванчиках.

— Ешь! Мне сейчас тоже принесут. Я две порции заказала.

— Не надо было, — Лиза тянется к еде сначала робко, но потом все более уверенно ест.

У меня самой в рот ничего не лезет. Вот напрочь отбивает аппетит, когда я нервничаю. А я не просто нервничаю, я в ужасе. Держусь только потому, что нужна сейчас Мякишевой, иначе бы уже просила маму перевести меня в школу где-нибудь во Владивостоке.

А может, так и сделать? Ну, кто я такая, чтобы тягаться со Святым? И что ему вообще от меня надо? Дрожь снова пробегает по спине, как только я вспоминаю блеск в его холодных голубых глазах. Этот человек меня пугает, как никто другой. У меня какой-то внутренний барьер по отношению к нему. Не могу быть спокойной, когда он рядом, а теперь я ему должна целых три желания. “Золотая рыбка”. Вот же придумал! Что я могу ему дать, чего у него нет?

— Ты не будешь? — жалостливо спрашивает Мякишева и кивает на мою тарелку.

— Нет-нет, кушай, пожалуйста, — пододвигаю к ней спагетти и молча смотрю, как она их уминает.

Никогда нельзя трогать голодного человека, надо дать ему поесть нормально. У меня бабушка так любила приговаривать. Вот сижу и жду.

— Вкусно, — наконец, выдыхает Лизка. — Но денег у меня нет. То есть на карточке только. Но тетка, если узнает, что я ела... И снимать с карты не разрешает.

— Да я все понимаю, не волнуйся.

Мне безумно жаль Мякишеву. Врагу не пожелаешь оказаться в ее ситуации — живет с теткой, маму видит только на выходных, да и то не на каждых. У нее только я и есть.

— Ну, тогда... может, пойдем? Мне еще английский делать на завтра...

— Лиз, — прерываю я, и Мякишева тут же испуганно бледнеет. — Что случилось? О чем ты вообще думала, когда залезла в чужую сумку? Это... это вообще как?!

Смотрит на меня своими огромными черными глазами, снова чуть не плачет. Обычно Лиза намного смелее меня, но точно не сегодня.

— Случайно... это... не знаю, как... как затмение какое. Я думала, я просто посмотреть хотела, потом услышала шаги, испугалась...

Она отчаянно чешет свой курносый нос, всегда так делает, когда врет.

— Лиз! Это же я!

Мякишева в ответ начинает рыдать.

На нас уже оборачиваются, мне неловко от этого, и я пытаюсь успокоить подругу, второпях оплачиваю счет.

И лишь когда мы выходим на улицу, Лиза немного приходит в себя.

— Я не виновата, Даш! Клянусь тебе! Я...у меня не было другого выхода. Лучше на воровстве попасться, чем... чем... я не могу! Прости!

— Чем что, Лиза?

Смотрю на подругу, как виновато бегает по сторонам ее глаза, как она нервно сжимает свой рюкзак, переминаясь с ноги на ногу. Ее всю трясет. Напугана до чертиков.

Не может быть!

— Лиза, тебя все-таки заставили? Может... может, тебя шантажируют?

Мякишева начинает отчаянно крутить головой, я успокаивающе поглаживаю ее по плечу. А в душе все переворачивается — куда она вляпалась? А вместе с ней и я!

Глава 5

Святослав

— Ты как будто знал, что Мякишева сперла эти часы. Так уверенно обещал Лидии, что их вернешь. Откуда, Свят?

Марика смотрела на своего парня со смесью любопытства и восхищения. Брин же не торопился отвечать. Они медленно шли по покрытому опавшими листьями тротуару, за ними ехала представительская “ауди”, которая ежедневно привозила Святослава в лицей и отвозила домой.

— Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, — наконец, он начал объяснять. — Лидия сделала всю работу. Если по камерам было бы видно, что кто-то из нас что-то пытался спрятать, она не стала бы нас вызывать. Сама бы нашла. Значит, кто-то носил с собой часы. Ну, а кто, это и так понятно.

— Дашка, конечно, учудила. Вечно жалеет всех подряд. А всем теперь расхлебывать!

— Не всем, только ей. И Мякишевой.

— А..., — Марика не успела задать очередной вопрос, потому что Свят остановился и умело поцеловал свою девушку. Да так, что она еще долго восстанавливала дыхание, после того как он ее отпустил.

— Поехали в субботу в “Крокус”, у меня билеты на концерт Доры.

— Серьезно? Это так мило! Но ты же ее терпеть не можешь!

Свят улыбнулся, наблюдая за искренним восторгом девушки. Марика ему нравилась, она была идеальна практически во всем. Единственное, что его смутно напрягало, это то, что Шацкая зачем-то в него влюбилась. Впрочем, это не его проблемы. Марика будет рядом до тех пор, пока ему будет с ней хорошо.

— Я говорил, что она слишком романтичная, но могу и потерпеть ради тебя.

— Ты просто топ, Свят! — Шацкая повисла у него на шее и тихо прошептала в ухо. — Моих сегодня не будет, уехали в Питер. Может, останешься у меня на ночь?

— Не сегодня, Мар. Отцу обещал быть дома, вечером какой-то ужин с его партнерами, надо играть в образцовую семью. Извини. В другой раз.

Он видел, что она расстроилась, но не собирался что-то менять. Его все устраивало.

— Поехали, отвезу тебя домой. Или ты куда сейчас?

— Домой! — Марика послушно села в машину и, пока они ехали, не проронила ни слова. Лишь когда Свят пошел провожать ее до подъезда, спросила.

— Давно хотела узнать, а чего ты сам не водишь? Ну... хотя бы изредка. Тебе ведь уже восемнадцать есть. Не нравится?

— Не хочу. Пока!

Свят коротко поцеловал девушку в щеку и, сев в “ауди”, велел водителю ехать за город, где у его семьи был трехэтажный дом в клубном поселке. По дороге позвонил отцу и предупредил, что сегодня домой не вернется, хочет побыть один.

Такое уже бывало и не раз. Дом под охраной, а Свят никогда не доставлял проблем, когда оставался в одиночестве, поэтому отец легко его отпустил.

Ему нужно было время, чтобы все обдумать в тишине и покое.

В голове снова всплыли слова деда, сказанные давным-давно: “Никогда никому не завидуй, Свят. Каждый живет в своем аду, дорогой. Каждый. Ты этого ада не знаешь, довольствуйся своим”.

Он думал, что познал свой ад. Сумел за три года смириться с ним. Узнать все его потайные закоулки, опуститься на самое дно, подняться обратно вверх. Устроиться в нем с максимально возможным комфортом и даже научиться получать удовольствие от жизни в аду.

Это оказалось иллюзией.

Настоящий ад разверзся перед ним в то мгновение, когда он увидел ее. Из него словно разом выбили весь воздух. Он не слышал, как завуч представляла его 10 “А” классу, не видел заинтересованные взгляды девчонок. Не реагировал на недоверчивые ухмылки пацанов, которым, похоже, не слишком нравилось, как расхваливали новенького.

Мнение сверстников его не волновало даже в детстве, он всегда с презрением относился к тем, кто пытался с ним подружиться. Отвергал любую попытку родителей свести его с детьми их друзей. Взволнованная мать даже водила его к детскому психологу, но вердикт немного успокоил родителей. С мальчиком все нормально, он просто немного замкнутый, не по возрасту самодостаточный. Но и это можно изменить.

Так Свят три месяца занимался с психологом. Через полгода, когда ему исполнилось одиннадцать, весь огромный дом семьи Брин был заполнен сверстниками. Мама была счастлива, а Свят научился притворяться и извлекать из этого пользу для себя.

Одноклассники к нему сами тянулись, а он их больше от себя не отталкивал. Со скучающим безразличием наблюдал за девочками, которые пытались привлечь внимание пацанов. Он быстро привык к тому, что тоже нравится противоположному полу, но воспринимал это как должное. Ничего, даже отдаленно напоминающее влюбленность, он не чувствовал.

Свят с трудом справился с собой, и вовремя. Завуч перестала вещать, и Брину нужно было что-то сказать. Он бросил пару ничего не значащих фраз, сумев скрыть разрывающее его бешенство.

Она, видимо, тоже что-то почувствовала, единственная из всего класса сторонилась его, опускала взгляд каждый раз, когда проходила мимо. А его трясло от ярости от одного ее вида.

Спустя неделю Свят знал о ней все, включая домашний адрес, клички обеих кошек, которых она подобрала на улице, и мечту поступить на биологический факультет МГУ.

— Дашка-божий одуван? Да нормальная она, блаженная немного, мухи не обидит, всех жалеет, списать всегда дает. Волонтерит в приюте для животных, Мякишеву эту убогую подобрала зачем-то, везде ее с собой таскает.

Святослав зевнул, дав понять местному сплетнику Ромке Уварову, что ему это неинтересно слушать, но, конечно, запомнил каждое слово. Он прекрасно знал, что дерьма хватает внутри каждого, а в таких, как Даша Ёлкина, его навалом. И чем больше Брин наблюдал за девушкой, тем больше убеждался в собственной правоте. Его уже не раздражало хорошее к ней отношение учителей и одноклассников. Знал, что так не будет.

Он уничтожит Дашу Ёлкину.

Свят не торопился, знал, что у него есть время до конца одиннадцатого класса. Конечно, он удивился сегодня, увидев, что коробка с часами оказалась не у Ёлкиной. Но так даже интереснее.

Игра началась.

Глава 6

Первые парты, как обычно, еще свободны, я протискиваюсь мимо болтающих одноклассниц и сажусь на свое место в конце ряда у окна. Все как всегда — никто не пялится на меня, не отворачивается, не прекращает шептаться. Значит, слухов пока нет. “Святая троица” не проболталась. Всю ночь не спала, думала о Лизке, о том, куда мою Мякишеву занесло, и что теперь будет.

Святослав Брин. Меня накрывает паника от одного только его имени. Никого так в жизни не боялась, как его. Может, это со мной что-то не так? Ведь это только мне кажется, что он отпетый мерзавец, способный на все.

Три желания. Что я должна буду сделать? Всю голову себе сломала, но так и не придумала ничего. Главное, нет у меня ничего такого, что бы было интересно такому, как Брин.

Как жаль, что даже часа не спала ночью. Подавляю зевок и оглядываю класс.

— ... нет, Марика сказала, что позовет на вечеринку всех. Чтобы никто не чувствовал себя изгоем, — Алька Муртазаева заводит глаза под потолок. — По мне, так кое-кого уж точно нужно оставить за бортом.

Она оборачивается назад, но заметив меня, нелепо хихикает и машет рукой.

— Ой, Дашка, я и не знала, что ты здесь.

Ей неловко, как и другим девчонкам, хотя они знают, что я их не сдам, даже если не согласна с ними. Я вообще не из тех, кто любит выяснять отношения, поэтому лишь пожимаю плечами и начинаю вытаскивать из рюкзака учебник и тетрадь по химии.

— Ёлка! Ёлочка...

Поднимаю взгляд наверх и вижу перед собой скорбную физиономию Потапова. Леха у нас профессиональный волейболист. Как его занесло в наш яйцеголовый лицей, мы так и не поняли, но парень он хороший. Его все любят и многое прощают, особенно после того как наша сборная по волейболу в прошлом году выиграла кубок мэра.

— Домашку по биологии? — спрашиваю я и уже тянусь за рюкзаком.

— Да! — Леха сам уже копошится в моих вещах и безошибочно вытаскивает зеленую тетрадь. — Дашуль, я быстро. Спасибо!

Он достает свой мобильный и фоткает записи, не замечая за своей спиной Мякишеву. Она хмуро пялится на него, но ждет, пока довольный Потапов освободит ей место рядом со мной.

— Ты три часа сидела с домашкой, а этот кабан сдерет за пять минут, и как будто так и надо! — Лиза недовольно поджимает губы. — Это несправедливо, не находишь? Мог хотя бы заплатить тебе, у него денег до фига. Так честнее.

— Да мне же не жалко, Лиз. Ты чего такая?

— А должно быть жалко, Даш! Он обесценивает тебя и твою учебу. Неужели это непонятно?!

Спорить с Мякишевой я не собираюсь, вижу, что она вся на нервах, еще и прыщи повылазили на подбородке, наверняка, опять что-то вредное на ночь ела.

— Тебе тоналку дать? — спрашиваю, пока она раздраженно швыряет тетрадь на парту. — Лиз, ну, ты чего, а? Все хорошо, не волнуйся так.

— Да бесит все! Что дома, что здесь! Потапов еще хуже меня учится, но его все любят, а меня — ненавидят. Никчемное ничтожество — это я, а он любимчик всех. Задолбало, что я всегда хуже всех! — тут она понижает голос и обиженно шипит. — Если бы он сделал, что я вчера, никто бы и не подумал его сдавать. А меня...

Она замолкает и чуть ли не ныряет под парту — в класс wpłyвает “Святая троица” — Свят, Марика и Тим. Меня обдает волной ледяного страха, едва я сталкиваюсь с холодным

взглядом голубых глаз. Тут же опускаю голову вниз, дрожащей ладонью пытаюсь поправить тетрадь и учебник. Но рука не слушается, и на пол летит мой доклад по ионообменным смолам.

Смотрю вниз и беспомощно наблюдаю, как ко мне неторопливо приближаются белые дорогие кроссовки. Я не в состоянии даже голову поднять, меня как будто кто-то схватил за шею и давит. Я не слышу шум вокруг, все замерло, только эти неспешные шаги. Перед глазами вдруг мелькает светловолосый затылок, и через секунду мой доклад с грохотом падает на парту.

— Спасибо, — не слыша себя из-за звона в ушах благодарю. Но Брин даже не оборачивается, он уже стоит у первой парты и обнимает Марику. Шацкая улыбается ему, а смотрит на меня.

Весь день с содроганием жду, что Брин начнет мне предъявлять за вчерашнее, но он будто забыл, что я существую. Я постепенно не то чтобы расслабляюсь, но к последнему уроку уже спокойно решаю задачку по геометрии.

Тороплю Мякишеву, чтобы не задерживалась, а она копошится, как назло. В итоге выйти первыми в коридор не успеваем. И очень зря!

— Ёлка! Подожди.

Голос принадлежит Марике, вроде, и нет ничего такого, но я вжимаю голову в плечи и трусливо оборачиваюсь.

Она идет ко мне уверенно и не видя никого вокруг, как топ-модель на подиуме. Перед ней все расступаются и, дойдя до меня, она кивает Святу.

— Дашка обещала вчера абонемент в спа ее матери. Боюсь, тебе это не будет интересно.

На лице Бриана ничего не отражается, он лишь едва заметно пожимает плечами, а Шацкая, подхватив меня под руку, практически выталкивает из класса.

— Марика, я не успела поговорить с мамой! — говорю ей правду. — Она вчера вернулась поздно и не в настроении, но я...

— Ты действительно думаешь, я не в состоянии сама себе купить все, что захочу? — Шацкая фыркает и заводит глаза под потолок. — Ёлка, ты как ребенок!

— А что тогда? — смотрю на Марику и ничего не понимаю. — Ты сама вчера сказала...

— Разумеется. Чтобы Свят так думал. Потому что будет странно, если мы с тобой вдруг станем часто общаться. А так — есть повод.

Облегчение, возникшее от того, что мне не придется у мамы кланчить подарочные сертификаты, да еще и на целый месяц, сменяется новой тревогой.

— А что нужно тогда?

Марика пристально смотрит мне в глаза и, наконец, решается.

— Свят. Я хочу знать, что за желания у него к тебе.

— Но я сама не знаю! Он...

— Однажды узнаешь, — тихо и очень серьезно говорит Шацкая. — Мне нужно знать, ради... Я за него волнуюсь, Даш.

Отвожу взгляд, мне неловко от ее откровенности, я и не претендовала никогда на доверительные отношения с Марикой. Да они мне и не нужны.

— А если он скажет никому не говорить? — выдавливаю из себя то, что сразу пришло на ум.

— Тогда, Даша, тебе придется выбирать. Или я, или он. Рекомендую выбрать меня. Ты же не хочешь познакомиться с моей другой стороной.

Пока перебарываю слова Марики, она уже отворачивается и идет к Святу, который стоит в конце коридора, облокотившись на подоконник, и смотрит на нас.

Глава 7

— Я про отца Шапкой в “Форбсе” статью читала, он какой-то там мульти-мульти... Не ожидала, что она захочет пойти в спа твоей матери. Вот правду говорят, чем богаче, тем больше любят халяву!

— Что? — недоуменно переспрашиваю Мякишеву, когда мы идем к остановке автобуса. — Извини, задумалась. Ты про Марику?

— Ну, а про кого еще? — Лизка недовольно поджимает губы. — Могла бы и не просить у тебя ничего.

— Не ожидала, что ты читаешь Форбс, — удивляюсь я. Вроде, знаю Мякишеву, как облупленную, но она каждый день подкидывает сюрпризы. — Зачем?

— Тетка под нос сунула, — нехотя признается подруга и пародирует свою опекуницу. — На вот, смотри, с кем ты учишься и с кем должна дружить. Зря, что ли, я столько денег плачу за тебя?!

Я молчу, пока Лиза вытирает злые слезы. Но когда успокаивается, я, все же, спрашиваю:

— Тебе ведь уже восемнадцать, она больше не твой опекун, ты не обязана с ней жить.

— А куда я пойду? — вскидывается Мякишева. — Обратно к матери? Да я не нужна ей! Если только нянкой бесплатной к ее детям. А я вообще-то жить хочу нормально! Одеваться красиво и тоже в спа ходить! Лучше уж с теткой под замком, но с ней хоть какие-то перспективы. Главное — не жрать, и она довольна будет.

Я лишь сочувственно вздыхаю, оставляя свое мнение при себе. Мякишева не толстая, она высокая и крупная, по ней не скажешь, что ей всего восемнадцать, это я рядом с ней заморыш заморышем.

Мы живем недалеко друг от друга, но сегодня я выхожу из автобуса намного раньше, потому что бегу к репетитору по биологии. У нас очень сильный лицей, но этого недостаточно, чтобы получить высший балл на ЕГЭ. Поэтому три раза в неделю я занимаюсь отдельно, стоит это безумных денег, но мама говорит, так надо. “Все дети моих знакомых сами поступили на бюджет. А ты разве хуже их?”

Не хуже, конечно, но бюджет бюджету рознь. Впрочем, я не спорю.

После репетитора еду в приют. Сегодня моя смена, хотя, конечно, у нас не все так строго. Приходим, когда есть время, вот как сейчас.

По дороге быстро просматриваю ленту в ВК, первой появляется счастливая Марика, сидит на коленях Брина, в руке держит билеты на концерт Доры. Хотела бы и я сходить! Но без Свята, конечно. Сторис Потапова забит видосами с тренировок, а Тим Ливенский сейчас на чайной церемонии в своем японском центре.

— Дашк, привет! — здоровается со мной Лена, она руководит приютом. — У нас новенький. Не совсем, конечно, новый.

Отходит в сторону, и я вижу до боли знакомую фигуру.

— Тимох? Ты же..., — трясую мобильным, как будто именно в нем и спрятана реальность. — Я видела, как ты чай завариваешь.

Ливенский смущенно улыбается и сразу становится похожим на того парня, с которым дружила столько лет. Он не отвечает, а я молча беру незамысловатые игрушки и щетку для вычесывания шерсти.

— У нас две длинношерстные “британки”, их надо постоянно вычесывать, — объясняю я Тиму, пытаюсь скрыть волнение и радость от того, что он пришел. — Пойдешь со мной?

— Я помню. — Ливенский идет рядом, чуть склонив голову в мою сторону. — Майя и Джемма. Я же раньше бывал здесь с тобой.

Помнит! У меня не хватает духа спросить, почему он пришел, стараюсь себя не обнадеживать, как раньше, что наша дружба обязательно вернется. И все равно, чувствую, как настроение впервые за день стремится вверх.

— Какие же они пугливые!

Мы заходим в кошачий загон, и многие кошки быстро прячутся. Нужно сесть и подождать, когда они вернутся. С кормом, пусть не премиальным, у них все хорошо, а вот заботы и любви им не хватает.

— Здесь все домашние кошки, которых выгнали на улицу, Тим, — смотрю, как медленно вылезает Майя из домика. — Их уже предавали, они не могут доверять людям, как раньше.

— Тебя они любят, это меня испугались.

Невольно краснею от удовольствия, приятно же, когда говорят, что тебя любят. В лице Тим со мной сегодня и словом не перемолвился, зато сейчас глаз не сводит.

— Хочешь поиграть с ними? — показываю на палку, к которой привязана серая плюшевая мышка. — А я пока Майю начну вычесывать.

— Конечно! — Тим послушно берет в руку палку и начинает водить мышкой прямо перед грустными мордочками. — Я хотел поговорить про вчера. Не нравится мне это все!

— Что именно? — осторожно спрашиваю. Давно Ливенский не был со мной откровенным.

— Да все, Даш! — громко восклицает Тим, от его возгласа кошки пугаются и быстро прячутся в домики. — Извини... я не хотел. Все не нравится — и то, что ты за эту идиотку вписалась, и Свят с его желаниями.

— Ты спрашивал, чего ему надо от меня? — “проглатываю” оскорбление Мякишевой, хотя в глубине души возмущена. Сейчас важнее и опаснее Брин.

— Да спрашивал, конечно, — с досадой отвечает Тим. — Но он отшучивается. Троллит меня, сволочь. А я сделать ничего не могу!

— Жаль, но ты и не обязан. Я сама согласилась. Ты ни в чем не виноват.

— Никто не виноват, Даш! Кроме Мякиша! На кой ты опять влезла? Ну, гнилая она, неужели не видишь?

— Не гнилая! — пытаюсь успокоиться, потому что чувствую, как Майя напряглась в моих руках. — Ей непросто, Тимош. Она... ну, ты же знаешь, отец в тюрьме, и ему нет никакого дела до Лизы. И что тетка с нее кожу сдерет живьем, если узнает. Выгонит Мякишеву на улицу и матери ее помогать перестанет. Им идти некуда. Вот вообще некуда. Ты можешь так позволить поступить с людьми?

Ливенский, насупившись, молчит. Вижу только, как губы сжал в тонкую полоску, и как кадык на шее нервно дергается.

— Это не повод тащить на себе ее косяки. Она может опять украсть, и что? Еще и Свят... Чего ему надо от тебя?!

Ливенский уже не играет мышкой, садится рядом со мной. Чувствую его напряжение, и становится немного не по себе.

— Я не знаю, Святослав мне не сказал ничего. Я вообще с ним не разговаривала с тех пор...

— Мне сказал, что это не мое дело, — криво усмехается Ливенский. — И он прав, Даш. Прав! Я ему ничего не могу предъявить. Пока.

— Не понимаю. Ты о чем? — отпускаю, наконец, Майю и собираю ее шерсть в один большой ком. — Что предъявить?

— Он классный чел, но... Даш, мне не нравится, как он на тебя смотрит.

Мне тоже!

— Вот если, если бы ты была... ты бы была...

Тим резко встает, снова распугав кошек, они и так нервные, от каждого шороха у них стресс, а тут еще громила под метр восемьдесят к ним пришел.

— Сядь, пожалуйста, и объясни. Я не очень понимаю.

Сама волнуюсь сильно, мне не удастся это скрыть, голос чуть дрожит.

— Даш! — Тим смотрит на меня тем особенным взглядом, который я уже видела и который очень боюсь. — Если ты будешь моей девушкой, я знаю, как его унять. Он не посмеет ничего тебе сделать, потому что...

— Нет!

Из Ливенского словно весь воздух разом выходит. Замолкает, так и не договорив до конца. И глаза сразу такие несчастные. Корю себя, что не сдержалась, но это сильнее меня. Я не могу ему врать.

— Прости, Тим. Мы... мы уже говорили об этом. Ты — мой друг, то есть был им когда-то... Я... мне рано, я вообще не думаю о таком... Прости, я...

У меня сердце сжимается от боли, на глазах уже слезы. Я так надеялась, что у него все прошло ко мне, ведь он встречался с девчонкой из "Б" все лето. Что однажды мы снова станем друзьями.

— Я понял, Даша, — чужим голосом перебивает меня Ливенский. — Вижу, ничего не изменилось. Свят оказался прав насчет тебя.

— Ты о чем?

Поднимаю голову, но вижу только спину Ливенского. А потом слышу, как он хлопнул дверью.

Глава 8

Утром ловлю себя на мысли, что совершенно не хочу вставать и идти на учебу. Никогда не прогуливала, а сейчас думаю об этом без угрызений совести. Как представлю, что увижу сегодня Ливенского, так опять хочется зарыться лицом в подушку.

И все равно заставляю себя идти в ванную, потом причесываться, одеваться. Завтрак пропускаю, потому что аппетита нет никакого.

Я не знаю, как буду смотреть в глаза Тиму, чувствую, что предала его. Опять. Не оправдала его ожиданий. Но я никогда ему не давала никаких надежд, да мне и в мыслях не было, что он может относиться ко мне как-то по-другому.

Его признание прошлой зимой — самое неловкое, что было со мной в жизни. До сих пор не могу вспоминать это без внутреннего стеснения. А теперь еще новая на меня обида.

Это все Брин. Вчерашние слова Ливенского, что, оказывается Свят был прав насчет меня. Он настраивает Тима против меня. А Тим очень добрый и открытый, порядочными людьми легко манипулировать.

Меня подташнивает от одной только мысли о Святе. Может, бросить все и попросить родителей перевести меня в обычную школу? Безумство, конечно, они не согласятся. Да и Мякишеву не могу одну оставить, каково ей будет здесь без меня?

Лиза уже стоит на остановке, голову опустила, переписывается с кем-то в телефоне, ничего не замечая вокруг. Вижу ее, и тугой нервный ком в животе немного слабеет.

— Привет! — подкрадываюсь к ней незаметно, и Мякишева визжит с перепуга. Да так громко, что у меня закладывает уши.

— С ума сошла, Ёлка? Я чуть мобильный не уронила! Если разобью, кто мне другой купит? Ты, что ли?!

Выпадаю в осадок от такого наезда, все-таки Мякишева со мной редко бывает груба. Даже не знаю, что ей ответить.

— Ой, прости, Дашк! — она покаянно улыбается, но все равно еще нервничает, теребит в руках мобильный, а потом словно вспомнив о чем-то, быстро и как-то неловко прячет телефон в рюкзак.

— Да нормально все. — пытаюсь ее немного успокоить. — Случилось чего? С кем переписывалась?

— Я? Да ни с кем! Просто листала ленту. Пошли, наш автобус.

Сажусь рядом, грустно думаю о том, что секретов от меня у Лизы прибавилось. Я ведь точно видела, что она кому-то что-то писала.

— Брин так и не объявлялся до сих пор? — спрашивает она, когда мы заходим в класс. “Святая троица” уже на месте, но на нас, к счастью никто не обращает внимания.

— Нет, — прячусь за широкими спинами пацанов перед нами. — И не знаю даже, что хуже, Лиз, ждать или дожждаться.

— Я думала, он сделает тебя девочкой “подай-принеси”, — рассуждает Лизка. — Ну там, Ёлка, смотайся в столовку и подгони пару бутеров или сделай за меня домашку.

Смотрю на Мякишеву с удивлением. Она это серьезно?

— Брин — лучший ученик в классе, даже в лицее, наверное. Он на медаль идет. Нужны ему мои знания!

— Ты тоже идешь на медаль, — возражает мне Лиза, но быстро затыкается, потому что в классе появляется наша англичанка Зоя Ивановна, а она и выгнать может за разговоры во время урока.

Целый день как на иголках — мне все время кажется, что сейчас ко мне при всех подойдет Свят и прикажет сделать что-то унижительное. Воображение рисует безобразные кадры —

как заставляет меня написать какую-то гадость у себя на лбу и так ходить до конца уроков. Или поругаться с учителем, или...

— Даш! — мне больно толкает в бок Мякишева. — Ты оглохла? К доске?

На меня смотрит удивленно историк и спрашивает, хорошо ли я себя чувствую. Рядом раздаются негромкие смешки, я краснею из-за них. Мне кажется, что все вокруг научились читать мои мысли и теперь потешаются надо мной.

Иду к доске, запретив смотреть себе на первую парту в центральном ряду. Там Марика со Святом, а рядом слева сидит Тим.

И обидно так, я же учила, а два слова связать не могу. Чувствую, что сейчас вот-вот разревусь.

— Садись, Ёлкина. Может, тебе в медпункт сходить? Как-то ты не очень...

Киваю исторiku и позорно сбегаю с урока, возвращаюсь уже после перемены. Ожидая встретить любопытный взгляды, но все столпились вокруг Потапова.

— ... а потом я выставлю блок, и эти хлюпики чуть в обморок не попадали, — Леха подпрыгивает на месте и показывает рукой, куда он заколотил мяч. — Сделаем их вчистую в пятницу. Второй год подряд кубок будет наш.

Потапову аплодируют, парни еще и улюлюкают и даже посвистывают будто уже сидят на трибунах.

— А отметим все у меня через неделю, — перекрывает шум Марика и одобрительные возгласы становятся еще громче.

— Заметано!

— Сто процентов!

— Топчик!

Когда гул понемногу стихает, слышу за спиной ровный голос Свята. Внутри все разом холодеет — не ожидала, что он рядом.

— Дело за малым, — говорит он, не глядя на меня. — Сначала выйти в финал, а потом выиграть кубок. Уверен, что не налажаешь?

У Потапова даже лицо вытянулось от возмущения, но посылать Брина он не рискнул.

— Да ты че, Святой? Все будет как я сказал.

Брин не спорит, садится за парту, рядом с ним тут оказывается Марика. И все как по команде разбредаются по своим местам.

— Ну ты как? Жива? — Лизка спрашивает меня, когда мы уже идем домой. — Может, Брин готовит тебе что-то особенное? А может, забыл? Игнорит тебя капитально. Даже на меня так не смотрит.

— Как? — устало спрашиваю, все мысли только в желаниях Свята и предупреждении Тима. Ливенский вообще с последнего урока куда-то ушел и тоже за весь день ни разу на меня не посмотрел.

— Как на пустое место, Даш. Они тебя стороной обходят. Подожди, я сейчас...

Лиза вся увлечена своим телефоном, ей смска пришла, она не видит, что мне неприятны ее слова.

— Что-то важное? — спрашиваю, когда она быстро прячет телефон.

— Да так... ошиблись, — почесывает она свой нос. Верный сигнал, что все не так.

— Лиз?!

— Что?!

Чувствую, что на пределе и вот-вот сорвусь.

— Я знаю, когда ты врешь, Мякишева. Утром и вот сейчас. Можешь не говорить, с кем, но зачем обманывать.

— Да не знаю я, кто это! — Во весь голос психует Лиза. — Не знаю я! Если б я знала, кто!

— В смысле? Ты о чем вообще?

Мякишева молчит и нервно крутит на пальцах волосы.

— Лиз, — прошу я. — Расскажи. Я все пойму.

— Да ни черта ты не поймешь! Ты же... божий одуванчик. Вся такая правильная и хорошая. А я — грязная! Он все обо мне знает!

— Кто он? — в груди начинает ворочаться противный страх. — Что знает!

— Все! — срывается Лизка, ее саму всю трясет. — Все! Он... это он приказал взять часы из сумки и подложить тебе! Чтобы тебя поймали! А я не смогла! Он молчал все дни, а утром объявился... он...

Мякишева еще что-то лепечет, я пытаюсь разобрать слова, но без толку. Сама стою оглушенная неожиданным признанием Лизы. А она вдруг отворачивается и бегом несется к своему дому. А я так и остаюсь стоять одна.

Уже у себя на кухне, выпив сладкого чая с печеньем, пытаюсь проанализировать сбивчивое признание подруги. Точнее — стараюсь прекратить нарастающую внутри панику. Зачем кто-то хотел мне подложить часы?! За что? Господи, да кто же меня так ненавидит?

И Бедная Мякишева! Сколько ей пришлось пережить из-за меня. Но не предала и не подставила.

А может, Лиза чего напутала или сама неправильно поняла?

Самой до чертиков страшно, подхожу к входной двери и проверяю замки. Все закрыто, сюда никто не попадет просто так.

Чуть-чуть отпускает, и я решаюсь, наконец, позвонить Лизе. Но она сбрасывает мой звонок. А потом когда приходит сообщение, думаю, что от нее.

Но это не так.

Я забываю как дышать, видя, от кого оно.

“Пришло время для первого желания”

Глава 9

Никогда не была в этой части города. Смотрю на незнакомую улицу и невольно жмусь поближе к ярким вывескам. Начало девятого вечера, не так уж и поздно, но обычно я в это время лежу на кровати, обложившись учебниками, а не выполняю указания человека, которого боюсь до трясучки.

Чувствую себя жалкой и беспомощной, со мной играют в какую-то безумную игру. А я даже правил не до конца знаю. Еще и моя Мякишева под ударом оказалась. Бедная. Смотрю на й экран своего телефона — Лиза так и не ответила мне и сообщения мои не прочитала. Я только ей написала, что еду туда, куда велел Брин.

Мне не по себе, страшно от неизвестности, от того, что видимо чем-то провинилась перед Святом, раз он так ко мне относится. Как будто я не человек.

Сверяюсь с адресом в сообщении, испытывая легкое облегчение. Обычная сетевая кафешка, которых по городу пруд пруди.

Топчусь у входа, не решаясь зайти, хотя холодный ветер больно обжигает лицо. Господи, да что же ему надо?!

— Так и будешь здесь стоять, Ёлка?

Сердце испуганно дергается в груди, мне не нужно оборачиваться назад и поднимать голову, чтобы понять, чей этот голос.

Брин обходит меня и открывает дверь, приглашая зайти первой. И я как под гипнозом делаю шаг вперед. Наверное, я как тот заключенный, который спешит на свою казнь с одной надеждой, чтобы все это поскорее закончилось.

Людей на удивление не очень много, Брин выбирает стол в дальнем углу, где вообще никого нет рядом.

— Что тебе нужно от меня? — срываюсь я, и тут же корю себя за несдержанность. Пусть я на пределе, но ему не нужно об этом знать.

— Сядь!

Я и не думаю протестовать, сажусь на краешек стула, больше не лезу с вопросами, хотя у меня их тонна.

И хотя меня изнутри всю трясет, я могу еще отлавливать странные мысли, которые возникают в голове. Например, насколько это дико, что мы со Святым сейчас вдвоем. Это как-то противоестественно, есть же люди, которые никогда не должны оказаться вместе да еще и наедине. Да даже сказать “мы” про меня и Брина это уже дичь.

— Телефон!

— Что? — Вздрагиваю от его голоса. Сама себя не слышу.

— Дай. Мне. Свой. Мобильный.

Я даже не думаю спорить или спрашивать, зачем ему мой айфон. Молча кладу его на стол.

Свят быстро проводит пальцем по экрану, чему-то удивляется. Вижу, как скривились его губы. Брин очень красивый, такой холодной и пугающей красотой. От него хочется спрятаться, но не любоваться.

— Пока я не озвучил свое желание, у тебя есть возможность отказаться, Даша.

— А Лиза? — срывается вопрос с губ. — Что... что с ней будет?

— То, что и должно. Она окажется на улице, где ее место.

— Кто так решил? Ты? — Меня распирает возмущение, я забываю, почему я здесь. Какое у него вообще право судить? Она не виновата, что у нее такой отец.

— А разве я сказал, что в этом ее вина? Мякишева — воровка, подставила весь лицей.

— Неправда! Она не хотела! Ее..., — вбираю в себя воздух да так и остаюсь сидеть с открытым ртом.

— Договаривай! — требует Брин. — Что “ее”?

Ее заставили! И скорее всего, ты и заставил! Но я не могу это сказать вслух. Я сама до конца не знаю, что происходит с Мякишевой. Почему она мне не отвечала сегодня и что скрывает от меня.

— Доверяешь ей? — Свят очень пристально, не скрываясь рассматривает меня. Я снова чувствую себя как на эшафоте.

— Да.

Брин кривится, будто ожидал другой ответ. И, наверное, мне нужно признать, что у нас с Мякишевой не так все радужно, мне нужна ее поддержка, а Лизы нет рядом. Но я никогда не предам ее. Никогда.

— Тогда тебе придется выполнить мое желание. Пока только одно.

— Какое?! Скажи уже!

— Не терпится? — он откровенно издевается над моей беспомощностью. — Для начала — никто не должен знать о них знать. Откроешь рот — наша игра прекращается, и Мякишева отправляется на улицу.

— Согласна! — зло бросаю и только потом вспоминаю про угрозы Шацкой. Но Марика сейчас далеко.

— Через два дома отсюда есть бар, забегаловка. Тебе нужно туда прийти и встретить одного нашего общего знакомого. Просто поболтать с ним.

— И все? — ничего не понимаю, но на лице вот-вот появится глупейшая улыбка. — Просто поболтать? А... а кто там?

— Иди и увидишь.

Смотрю в холодные голубые глаза и... не верю. Не может быть так просто. И если это наш знакомый, то скорее всего кто-то из лица. Тогда почему нужно было тащиться сюда?

— Это правда все? Это и есть твое желание?

— Почти... Сначала дело, потом слово, Ёлка. Ты сама поймешь, когда полностью исполнишь мое желание.

— Но... мы так не договаривались!

— Можешь отказаться прямо сейчас.

Вместо этого я встаю со стула, чуть не толкнув подошедшего официанта.

— Говори, куда идти!

— Телефон не забудь!

Не чувствую ни холода, ни ледяного ветра. Только адреналин в крови, я не замечаю, как оказываюсь у неприметной двери и с силой дергаю ее на себя.

Это и правда какой-то бар, и здесь все взрослые. Темная стойка с напитками, много бутылок и еще, похоже, здесь курят.

Теряюсь от удивленных взглядов, но быстро беру себя в руки. Я сделаю то, что должна.

— Детка, а ты дверью не ошиблась? — незнакомый мужчина с большой пивной кружкой в руке откровенно потешается надо мной, но не зло. — “Спокойной ночи, малыши” не пропустишь?

Отчаянно мотаю головой, прохожу чуть вперед, чтобы быстрее окинуть взглядом бар. Он полутемный и... я не понимаю, кто из наших может здесь находиться. Еще и глаза слезятся от сладковатого дыма.

— Ёлка?! А ты здесь каким лешим?!

— Леш? — радостно восклицаю и протискиваюсь между столами к Потапову. — Ты сам здесь что делаешь?

Глава 10

За столом с нашим волейболистом сидят еще два здоровых парня. Увидев их, я останавливаюсь, слишком уж грозными они выглядят. Явно постарше нас с Потаповым, и не такие дружелюбные, как мой одноклассник.

Леха встает и машет кому-то у меня за спиной.

— Не, все ок! Она со мной!

Испуганно оборачиваюсь и натываюсь взглядом на мрачного громилу, который неодобрительно наблюдает за мной.

— Да все норм! — снова слышу расслабленный, даже вальяжный голос Лехи. — Ёлка, садись сюда.

Раздается гроыхание — это Потапов с шумом пододвигает стул к своему столу. Осторожно усаживаюсь на краешек и несмело улыбаюсь. Перед глазами несколько пивных бокалов и забитая окурками пепельница. В голове немного шумит с непривычки. Не то чтобы я не переносила сигаретный дым, но дома у нас никто не курит, а тут еще и запах какой-то не табачный, что ли.

— Тебя как сюда занесло, одуван? Это мы так Дашку в лицее называем, — объясняет он своим приятелям. — Дашка-божий одуванчик.

От его ласкового и по-доброму насмешливого тона я немного успокаиваюсь, чувствую, что кто-кто, а Потапов меня не обидит.

— Да случайно, Леш. Рядом была, вот и забежала. А что это за место такое?

Мне совсем не хочется врать, да еще Потапову, с которым мы всегда отлично ладили. Но ведь никто не должен знать о Мякишевой и о моем договоре со Святом. Брин же сдаст Лизку за одно мое лишнее слово.

— Не для маленьких девочек место. Фиалки тут зачахнут сразу, — влезает в разговор один из друзей Потапова. Он сканирует меня подозрительным взглядом, а может, мне кажется, потому что у него темные глаза и густые сросшиеся брови. Вид очень устрашающий.

— Да не трогай ты ее, — снова вступается Потапов и залпом опустошает бокал. — Это ж Ёлка.

— Ну, тебе Ёлка, а нам какая-то левая деваха, — второй приятель тоже не скрывает, что не рад меня видеть. — Нам не нужны неприятности, Потап!

— Они никому не нужны, — зевает Леха и вытаскивает из кармана какую-то коробочку. — Но надо же расслабляться иногда, да, Дашк?

— Конечно, надо, — соглашаюсь я. — Ребят, вы извините, я не хотела вам мешать. Я случайно... сейчас погреюсь немного и пойду такси себе заказывать.

У самой голова уже немного едет от дыма. Да и, все равно, стремно сидеть в этом баре, он, и правда, не для таких, как я. Страшно, чего уж там. Много людей, и совсем не школьников, есть и женщины, но они тоже пьют и курят. Таких, как я, здесь нет.

— Да сиди уж, — фыркает Леха и закуривает сигарету. Только она странная какая-то, больше на самокрутку похожа, делает пару затяжек и передает ее своему соседу. — Дашка — своя, никогда не сдаст. Я б без нее в том году реально не вывез. Все нормальные, вроде, понимают, мне, чисто, аттестат, а я за это команду сопляков тяну на себе. Они играть-то не умеют, ну, кроме одного... ладно, двух пацанов, но понтов... Биологичка, сука, всегда докапывается, единственная. Но зато есть Ёлка. Да, Даш?

Я смущенно киваю. Потапов у меня постоянно списывает все домашки, на тестах и контрольных я тоже ему помогаю, когда получается. Просто так, конечно, мне не нужно от него ничего, но, все равно, так приятно, что он это ценит.

У меня в куртке гудит мобильный, вытаскиваю телефон и вижу сообщение от мамы. О, нет! Я же ее не предупредила! Чувствую себя виноватой, когда быстро пишу ей сообщение. И снова вру! Ни у какой я не у одноклассницы, но ее бы удар хватил, если бы она меня сейчас увидела.

— Божий одуванчик, значит? — переспрашивает приятель Лехи, который со смурным взглядом. — Пить будешь чего?

Испуганно мотаю головой, а парни, не сговариваясь, начинают ржать. Ну, и курят себе что-то. Ругают какого-то “Максими́ча”, который “уже в печенках”, но “приходится терпеть”.

— Тренер задолбал, — шепчет мне в ухо Потапов. — А делать нечего, все жилы из нас вытянул, но игра это — жизнь, понимаешь? Нет... не понимаешь.

Он закашливается, вытаскивает еще одну сигарету, но его приятель отбирает у него коробку.

— Тебе уже хватит, Потап. Перебор!

— Отдай, я сказал! — Леха зло бьет друга по руке, и коробка падает на пол. — Я сам решаю.

Вскакивает со стула, едва не опрокинув меня на пол, и начинает искать коробку.

— Надо закругляться, — доносится до меня голос одного из парней. — Потап опять на пределе.

— Он вообще нормальный, — зачем-то влезаю я, хотя сама напугана вспышкой агрессии Лехи. — Наверное, устал очень. Нам тонну задают всего, а еще на носу игра, сегодня в классе все говорили...

Меня не особо слушают, да и Потапов, найдя свою коробку, сует ее себе в карман и больше ничего не курит.

— Ладно, правда, пора расходиться, — Леха тяжело поднимается и вытаскивает пачку денег из кармана, отсчитывает несколько тысяч и кидает их на стол. — Пацаны, забыли, ладно?

— Завязывай, Потап! Я серьезно, — говорит его приятель, когда мы вчетвером выходим на улицу. — Мотик на приколе?

— На приколе, — нехотя бросает Лешка, ему явно холоднее, чем нам всем. Так сильно кутается в свою куртку, еще и капюшон натянул на голову. — Ща надо Дашку домой отправить.

— Да я сама, — пытаюсь возразить, но меня перебивают.

— Ты нас здесь не видела, ясно?

— Да че ты к ней цепляешься вечно, Вадь! — вот я и узнала, как зовут смурного парня. — Не ссы! Это ж Ёлка, она не трепло.

Мне больше ничего не говорят, но мне так тепло на душе от того, что Леха за меня заступается, да еще перед своими приятелей. А он им точно больше друг, чем мне.

К нам подъезжает желтое такси, и Потапов усаживает меня на заднее сидение.

— Одна тут больше не шарься, поняла? — обдает меня дыханием, в котором странно перемешано что-то сладкое и горькое. — До завтра, Дашуль.

Захлопывает дверь и уже лезет в окно к водителю, сует ему деньги за меня.

— Девчонку отвези, куда надо. Понял?

Мы отъезжаем, машу рукой Потапову, который остается со своими приятелями, но так и не понимаю, зачем меня отправил в этот бар Святой.

Глава 11

Когда такси останавливается у моего дома, я тянусь за деньгами, но вовремя вспоминаю, что Потапов уже заплатил. Уточняю у водителя сумму, чтобы завтра Лехе вернуть и только после этого выхожу из машины.

— Дашка! Ну наконец-то!

От неожиданности чуть не роняю свою сумку на землю, но облегченно улыбаюсь, видя, как со скамейки поднимается Мякишева. Стремительно подходит ко мне и крепко сжимает в своих объятьях так, что у меня кости в плечах хрустнули.

— Я уж думала не вернешься. Сунулась к тебе, а там твоя мать, еле выкрутилась. Наплела ей, что телефон оставила в лицее, поэтому не знала, что ты не дома.

Вид у Лизки виноватый, и я сразу вспоминаю, как мы сегодня днем с ней расстались.

— Так, Мякишева, давай помедленнее и с самого начала. Садись и выкладывай все!

— Злишься, да? Что ничего не рассказала? — Лизко измученно смотрит на меня, и я уже не могу злиться. Вижу ведь, что ей хреново. — Что Брин? Что этот гад придумал?

— Да ничего особенного, — отмахиваюсь я. — Попросил посидеть с Потаповым и его друзьями в каком-то баре. Так себе место, но я боялась, будет хуже. Это все неважно, Лиз.

Она молчит, насупившись. Болтает ногой, задевая опавшие листья на асфальте. А я жду. И она знает это, понимает меня без слов. И кто бы что ни говорил мне про нее, я знаю, что Мякишева это мой человек. Со своими недостатками, но зато честная и искренняя. И у нее никого кроме меня нет.

— Я не знала, что все так выйдет, Даш. Я бы никогда, слышишь, никогда! А потом оно... само... я так боюсь... ты во мне совсем разочаруешься! Как все остальные.

Лизка всхлипывает, утыкается лицом в ладони, а я сижу рядом, глажу ее по спине, думая о том, что же она натворила такого. И при чем тут Святослав Брин и я.

— Что само? Тебя кто-то шантажирует? И велел забрать часы и мне подкинуть? А ты этого не сделала?

Мякишева трясет головой, гляжу, у нее еще и тушь потекла. Вытаскиваю влажные салфетки из сумки и осторожно вытираю ей лицо.

— Конечно, нет! Я бы никогда не смогла тебя подставить! Но ведь подставила, да? Блин, Даш, прости. Я понятия не имела, хотела денег немного заработать. Ты хоть понимаешь, что значит учиться в этом лицее и не быть такой как все!

— Ты все близко к сердцу принимаешь, Лиз. У нас разные ребята учатся. Не только такие как Марика, Брин или Потапов. Далеко не все на машинах с водителями приезжают, и айфоны не меняют постоянно.

— Ты не понимаешь... Я понравиться хочу! А они на меня как на дерьмо! Потому что нищая и тупая!

— Если тебе были нужны деньги, почему у меня не попросила?

— У тебя столько не бывает! — Мякишева нервно тербит в ладонях мобильный. — Я такая дура, Даш! Все время думала, это ты все в облаках летаешь...

— Что ты сделала, Лиза?

Не глядя мне в глаза, она сует мне в руку свой телефон.

— Обещай, что не бросишь меня! Пожалуйста!

Не знаю к чему готовиться, но на душе кошки скребут. В голове мигом проносится сотня самых безумных мыслей, одна другой страшнее.

— Вот. Только я не знаю, кто это писал.

Перед глазами анонимный чат в мессенджере, в самом начале — видео. Нажимаю на ролик...

— Лиза, — мой голос дрожит. — Лиза, это вообще что?!

Она тут же вырывает у меня свой мобильный.

— Так и знала, что не поймешь! Я... ничего такого...

— Ты там полоумная, Мякишева! Ничего такого?!

— Это называется вэбкам модель. И все очень невинно. Я просто сидела перед камерой, даже не раздевалась никогда. И вообще мне восемнадцать! Что хочу, то и делаю!

Зажмуриваюсь, чтобы выгнать из памяти кадры из видео. О чем она вообще думала? Как могла сидеть вот так перед камерой, зная, что ее кто-то рассматривает! Это же так мерзко и отвратительно. Не могу отделаться от ощущения, что сижу по уши в грязи и душ не поможет отмыться.

— Поверить не могу, что ты на такое могла решиться! — с трудом подбираю слова. — Зачем, Лиза?! Ты понимаешь, что это значит? Если кто-то в лицее узнает или твоя тетка...

Она молчит, смотрит куда-то в пустоту, не мигая. Меня распирает от возмущения и... разочарования. Такого от нее я не ожидала. Это же почти продать себя! Моя непутевая, вечно забитая Мякишева и какая-то распущенная девица в черных кружевах — это один и тот же человек?!

— Мне восемнадцать! — дергаюсь от неожиданного громкого возгласа подруги. — У меня еще парня не было! Ни одного! Где мне с ними знакомиться, а? Меня никуда не выпускают — только лицей и дом, а то типа залечу и не окуплю все, что в меня вложили! А в лицее либо задроты, либо такие как Ливенский или Брин. Они на меня как на дерьмо смотрят! А там... да ты хоть знаешь, что они мне там писали! Какая я красивая и как им классно просто смотреть на меня. И деньги... знаешь, какие там донаты?! У меня никогда столько не было!

Лиза уже на крик срывается, но смотрит на меня затравленно будто я ее в чем-то обвиняю. Я и правда ее обвиняю!

— Лиз, я... не ожидала, это очень... круто для меня. Но почему мне сразу не сказала? Это же опасно! Тебя же могли найти...

— Нашли, — снова чуть не плачет Мякишева. — Вот он и нашел!

Она кивает на телефон и пока я читаю ее переписку с анонимом, слышу ее нервное:

— Ты же от меня не отвернешься, а? Даш, что угодно, только не бросай меня. Я же без тебя тут сдохну!

Глава 12

Дома с трудом удастся избежать маминого допроса, где и главное с кем я была. Я уже готова признаться, но тут как по волшебству в самый драматичный момент домой возвращается папа. Все внимание сразу же уходит к нему, а я облегченно сбегая к себе в комнату.

Мама зовет ужинать, я по привычке отказываюсь, краем уха слышу как папа жалуется, что какой-то Алиев у него отобрал проект. Мои родители трудоголики — мама “живет” в своем салоне и безуспешно пытается затащить меня туда и “сделать красивой”, а папа — топ-менеджер в очень крупном банке.

В кого я люблю котов и брежу биофаком — совершенно непонятно.

Засыпаю как обычно с Шерри под боком, на подушке спит Ника. Мои любимицы, мои личные антидепрессанты, но я все равно долго ворочаюсь.

Лиза, конечно, шокировала, никогда не подумала бы, что она способна таким заниматься. Первая осмысленная реакция — перестать общаться с ней, потому что вот так торговать собой это полный зашквар. И никаких отмазок быть не может. Наверное. Лежу в кровати и не знаю, смогла ли я вот так жить как Мякишева. Без семьи, одна, у человека, которого ненавидит. Она даже карманные деньги не может потратить как хочет. Отчитывается за каждый рубль. Никого в дом пригласить не может, даже мне нельзя приходить.

Я никогда не жила как Лиза. Могу ли я ее судить? Мне становится стыдно за свой мимолетный порыв. Конечно же, я не отвернусь от Мякишевой, она моя подруга. Хотя по телу до сих пор бегут мурашки стоит только вспомнить видео.

Уже проваливаясь в сон, обещаю себе завтра отдать Лешке деньги за такси. Все-таки какой он хороший!

Однако ни завтра, ни послезавтра Потапов в лицее не появляется. Перед физрой мы стоим в зале и ждем Петра Сергеевича, а он как всегда опаздывает.

— Заболел Леха, что ли? У нас вообще-то игра в пятницу!

Ромка Уваров играет в волейбольной команде, вот и беспокоится больше нас всех. Но мне тоже очень тревожно, хотя и пытаюсь это скрыть. Похоже, никто из класса не видел Леху после меня.

— И в чате второй день не появляется, — задумчиво роняет Свят. Инстинктивно вздрагиваю и отхожу подальше от него. Надеюсь, никто ничего не заметил, потому что все обсуждают, куда мог деться Потапов.

— Да позвоните ему, в чем проблема. — Брин как обычно руководит всеми вокруг. Он даже сейчас выделяется среди нас всех, хотя мы одеты в абсолютно одинаковую спортивную форму. Как будто Свят здесь главный актер, а мы все массовка.

— Я звонила ему утром, — откликается Марика. — Он сбросил вызов.

— Ёлка? Может, ты наберешь?

— Почему я?! — не удерживаюсь я от вопроса и тут же ловлю удивленные взгляды.

— А это проблема? — Свят криво улыбается, отчего мне становится еще более неуютно. — Вы же с ним приятели, вроде. Может, тебе ответит.

К счастью, приходит физрук, начинается разминка, и я в прямом смысле сбегая от неприятного разговора. Но весь урок ловлю на себе внимательные взгляды Шацкой. Я ей, конечно, ничего не рассказала про задание Брина и про то, как сидела с Потаповым в баре. Чувствую, аукнется мне мое молчание.

После физры мы с Мякишевой выходим последними. Лизка как обычно медленно собиралась, и теперь я понимаю, почему.

— Может, с Потаповым случилось что-то сразу после того как вы... это... ну тогда... Короче, его приятели с ним ничего не могли сделать?!

Мякишева, конечно, знает как поднять настроение, хотя я и сама об этом думала. Как-то все странно получается. Чувствую, что попала в какую-то ловушку, которую мне подстроил Брин, только пока не понимаю, какую именно.

И главное, зачем?

Я лишь пожимаю плечами на вопрос Лизки. И хорошо, что ничего не сказала потому что в коридоре уже столпилась половина нашего класса. Марика стоит ближе всех к раздевалке, и пишет что-то в телефоне.

— Потапов объявился, — поднимает она голову, в ее глазах застыло беспокойство. — Он сейчас у Лидии в кабинете. Движуха какая-то. Короче, не расходимся.

Не скажу, что у нас такой уж дружный класс. Все-таки последний год, все уже думают только о поступлении, ну и о том, чтобы баллов хватило на ЕГЭ. Но Марику привыкли слушать, да и редко она своим авторитетом давит.

— Мне на курсы надо, — ноет Уваров, — но игра же скоро! Без Потапа пролетим!

Тут, конечно, все занервничали. Волейбол в лицее что-то сродни религии. Единственный вид спорта, в котором мы регулярно получаем призовые места. Ни с футболом, ни с баскетболом так не получается. Ну и Потапова у нас все любят.

Собираемся в нашем кабинете на втором этаже, кто-то правда все-таки ушел, но костяк класса здесь. Мы с Мякишевой сидим как на иголках.

— Идет! — громко восклицает Шацкая, не отрываясь от мобильного. — Сейчас расскажет.

Разговоры затихают, чувствуется любопытное напряжение вокруг. А я ловлю на себе пронзительный взгляд Святого. Он будто прожечь меня хочет. Нервно отворачиваюсь к окну — лучше на цветы смотреть на подоконнике, чем видеть Брина. Господи, да что он ко мне прикопался?!

Громко хлопает дверь, мы с Лизкой чуть ли не подскакиваем на стульях.

— Потап! — с облегчением выдыхает Уваров. — Ну наконец-то! Где пропадал? У нас вечером трень...

Я вполуха слушаю Мишку. Вижу только Потапова перед собой, и сердце больно колет от неприятного предчувствия. Случилось что-то непоправимое.

— Ты чего такой пасмурный? Лидия по шее надавала за прогулы? — насмешливо интересуется Тим. Но я хорошо знаю Ливенского — тоже нервничает, просто скрыть пытается.

— Отстранили. — Потапов с шумом садится на учительский стол. — Дисквалифицировали. На полгода. Я больше не играю, пацаны.

Каждое слово как взрыв бомбы. Оглушает. Ранит. Убивает.

Я не в силах пошевелиться, только смотрю на несчастного Лешку, который сидит на столе, опустив голову. Такой большой и такой беспомощный. Как же хочется подойти и обнять его. Что же случилось?! За что?!

В классе гробовая тишина, все, понятное дело, в ауте. Первой в себя приходит Марика. Она у нас во всем всегда и везде первая.

— Почему, Леш? Они вообще понимают, что без тебя...?

— Да все они понимают! Все! — Леха чуть не кричит, а когда поднимает голову, на его глазах слезы. — Сказали еще, что повезло, только на полгода. Суки!

Все вокруг возмущенно галдят, минут десять, не меньше. Девчонки уже стоят около Лехи, кто-то его гладит по плечу, парни чуть ли не матом проходятся по нашему тренеру, Потапова забрасывают вопросами, но он молчит.

И только Брин единственный из всего класса ничего не делает. Сидит себе на парте и наблюдает за гвалтом.

— Ну что, утомонились? — Свят демонстративно обводит всех спокойным взглядом, когда шум постепенно затих. — А теперь послушаем Потапова. Почему тебя выбросили из команды. Мы все имеем право знать.

Леха молчит, тяжело дышит, смотрит на нас исподлобья. Наконец, нехотя произносит.

— Стуканул кое-кто. Кто видел меня с косяком. Ёлка, не хочешь признаться?

Глава 13

До меня не сразу доходит, что сказал Леша. Я еще какие-то мгновения спокойно сижу в звенящей тишине, но когда на меня разом оборачиваются абсолютно все, к лицу мгновенно приливает кровь.

— Чего? — еле слышно шевелю губами. — Лех, ты о чем?

С ужасом смотрю, как такое знакомое и доброе лицо Потапова искажается в презрительной гримасе.

— А я о том, Дашуль! О том! — не говорит, а выплевывает. Я не узнаю его. — Хорошо посидели, а?!

По кабинету бегут взволнованно-возмущенные шепотки, но я легко различаю в них свое имя.

— Ёлка? Да ладно?

— Одуван?

— Дашка? Реально слила?

На меня смотрят сейчас абсолютно все, чувствую, как пялится сидящая рядом Мякишева, вижу прищуренные, полные ненависти глаза Потапова, у Мишки Уварова челюсть вот-вот отвалится.

Свят. По его лицу я ничего не могу прочесть, но безошибочно ощущаю волны ярости, исходящие от Брина.

— Я... я...не..., — язык не слушается. Поворачиваюсь к Лизке, как будто она за меня может сказать, но Мякишева сама в полном ауते. Смотрит на меня так, словно не я это.

— Так, спокойно всем, — вмешивается Шацкая, и я судорожно вздыхаю, надеясь хоть как-то успокоиться. Но в горле пересохло, я вся горю, сглотнуть толком и то не могу. И воды нет, то есть она есть, но в кулере в конце коридора. А я сижу, как прибитая, пошевелиться не могу.

— Чего спокойно? Чего спокойно? — орет Уваров. — У нас игра на носу! А Потапа слили! Марика, ты же не дура, вроде, должна по...

— Захлопнись, — негромко роняет Свят, и у Мишки будто звук отключают. — Извинись перед Марикой. Уж она точно ничего не сделала.

Вроде, и не сказал ничего такого, но в кабинете будто на пару градусов стало холоднее, даже мне уже не так жарко.

— Мар, ну... это... ты..., — Уваров, у которого обычно язык как помело, еле выдавливает из себя покаянные слова, но Марика его даже не слышит.

Бросает на меня быстрый взгляд и отворачивается.

— Че, реально, Дашка — крыса? — тихо, но очень отчетливо произносит Римма Закирова. — Наш божий одуван?

— Ну, видимо, не такой уж и божий...

— И не одуван.

Слова, как отравленные стрелы. Они летят в меня, безошибочно попадая в цель. Больно ранят, но я даже не пытаюсь увернуться от них. Пускай говорят, что думают. Я ничего не делала. Никого не предавала.

— Эй, народ! Это же Ёлка! Вы о чем вообще? Какая крыса?!

От возмущений Тима на душе становится чуть легче. Как хорошо, что он не поверил. Но так и должно быть, он меня лучше всех знает. Все-таки столько лет дружили, если бы он меня предал, я бы не пережила.

— А такая! — выдает Потапов и тяжелым взглядом припечатывает Тима. — Настоящая крыса наша Дашуля. Никто не знал. Только она.

Ливенский растерянно оборачивается ко мне, приподнимает чуть подбородок, всегда так делает, когда ждет помощи.

— Да что знала-то? — беспомощно смотрю на Леху. В горле уже слезы стоят, вот-вот разревусь. — Я не понимаю. Какой косяк? Я никому ничего не говорила!

Потапов отворачивает голову в сторону, он не верит мне. Как такое вообще возможно?! Неужели он реально мог подумать, что я его сдала? Да, курил, это плохо, никто не спорит, но чтобы от игры отстранять!

— Потап, объясни уже. — Брин как коршун над нами, вот-вот закроет добычу. — Ваши интимные с Ёлкой гляделки немного затянулись.

Как можно так говорить, что сразу себя чувствуешь грязной? Меня даже от “крысы” так не выворачивало.

— Да че объяснять? Мы с пацанами в баре косяк скрутили, а тут божий одуван. Ну, и к нам подседа, поболтали, потом по домам. А вчера кто-то слил, что я... ну... балуюсь.

— Косяк? — Марика неодобрительно поджимает губы. — Ты охренел, Потап? Ты вообще спортсмен!

— Вот не гони, а?! — морщится Потапов. От веселого обаятельного раздолбая в нем сейчас ничего не осталось. — Еще одна! Это ничего не значит, я в форме.

— Возвращаемся к Дарье, — Свят мигом обрывает перебранку. — Какие доказательства, что тебя слила именно Ёлкина?

— Да потому что никто больше не знал! Никто! А тут она... да как вообще ее в бар занесло? Туда не пускают с улицы, я — дебил, еще заступился за нее...

Потапов захлебывается от возмущения, но его слушает весь класс, не пропуская ни слова. Рассказ Леши возвращает меня обратно в этот противный бар, к его неприятным друзьям, к полутьме и сладковатому дыму, который я до сих пор ощущаю на себе.

Вот, значит, что они курили. А я и не поняла... Но неужели он действительно верит, что я могла его предать?!

— Я бы никогда, Леш! Никогда!

Обвожу молящим взглядом одноклассников, надеясь увидеть в их глазах поддержку, но нахожу лишь удивление вперемешку с недоверием. Кто-то даже обвиняюще качает головой.

— Вы же знаете меня все. Я не могла... Я не стукачка. Я вообще не поняла, что они там курили.

— А кто тогда? Ты кому-нибудь говорила? Как тебя вообще занесло на окраину, да еще в такое место? Мы что-то про тебя явно не знаем, Даша.

Марике не занимать выдержки, из нее получится отличный следователь. Вопросы четкие и по делу, но я не могу ответить на них.

Внутри все переворачивается от осознания. Я сижу и пялюсь в одну точку, Шацкая еще что-то говорит, но я не вникаю.

Свят. Вот зачем он меня туда отправил. Чтобы я узнала, “засветилась” рядом, чтобы потом... Это он сдал Потапова!

— Даш, — рядом неожиданно возникает Ливенский. — Я не могу поверить и... не верю. Потап, наверняка ошибся, но может, ты кому говорила, а?

Я не смотрю на Тима, не вижу Марики, перед глазами только один человек. Он насмешливо улыбается, а в холодных голубых глазах ярко горит предупреждение: “Только ляпни”.

И я молчу.

— Определенно говорила, — открывает рот Брин. — Да ты на Мякиша глянь, Тим. По ней же все ясно.

— Я никому не сливала ничего! — испуганно взвизгивает Лиза. — Никому и ничего. Да вы все охренели, что ли?! Я вообще не поняла, чего он там курил, мне плевать. И Дашка!

Озверели совсем ее обвинять?! Торчку поверили, а Ёлке нет?! Всегда знала, что вы все гниды! Но ее не трогайте, уроды!

Мякишева кричит все громче и громче, а потом под изумленные взгляды хватает меня за руку.

— Пошли отсюда! А ты, Потапов, — последняя тварь. Сам накурился и нашел, на кого свалить! Пошли!

Лизка высокая и здоровая, практически выдергивает меня со стула, я послушно поднимаюсь, не зная, как реагировать на ее взрыв. До сих пор в ушах крик стоит.

— Никто никуда не пойдет, пока мы не выясним.

На Брина единственного не произвели впечатления Лизкины слова. Даже Марика, и то растерянно смотрит на меня, чуть приоткрыв рот, а Потапов вообще скукожился будто, голову опустил, что только затылок и виден.

— А чего выяснять, Свят? — подает голос Римма. — Тут слово Потапа против слова Дашки. Кто хочет, тот и верит — или Лехе, или Ёлке. Я лично склоняюсь к одувану.

— А мне плевать, кто его сдал! — встревает Уваров. — Мне не плевать, что будет в пятницу. И кто его может заменить! Никто! Подстава так подстава.

В классе снова поднимается галдеж, я благодарно смотрю на Лизку и тихонько пожимаю ее ладонь.

— Спасибо, — шепчу. — Ты — молодец!

Расходимся через полчаса, так ни до чего не договорившись. Меня несколько раз заставили повторить, что я не сдавала Леху, пытаюсь объяснить с Потаповым, но он отворачивается, не слушает меня. Чуть не плачу, смотря в его удаляющуюся спину.

— А что ты хотела? — Рядом возникает Марика и, схватив за локоть, отводит меня подальше от Лизы вглубь коридора. — У него карьера на волоске из-за... Ладно, Даш. Я не верю, что ты слила этого идиота, но что-то же было, да? Как ты там оказалась? Я же знаю тебя...

— Случайно, — смотрю в красивые умные глаза Шацкой и вру. — Прости, мне нечего больше сказать.

Она не видит того, кого вижу я за ее спиной. Свята.

Глава 14

Беспокойный сон, кажется, становится новой нормой для меня. Хотя прежде никогда бессонницей не мучилась, наоборот, стоило лишь опустить голову на подушку, я тут же засыпала.

Раньше.

Сейчас третий час ночи, я лежу на своей кровати и пялюсь в потолок. Мне сложно поверить, что человек способен на такую чудовищную подлость. В голове не укладывается, но я заставляю себя анализировать факты, хотя и хочется сбежать от собственных мыслей.

Брин, конечно, знал, чем занимается Потапов, и поэтому велел мне идти в этот бар. Странно, я никогда не замечала, чтобы Святослав как-то плохо относился к Лехе. Ну, мог поддеть походя, но не зло, да так, что Потапов сам посмеется. И на волейбол Свят с Марикой всегда ходят, не пропускают ни одной игры нашей сборной. Брин вообще фанат лица, я сначала думала, что это напускное, но он никогда не отказывается участвовать в разных мероприятиях, постоянно награды разные завоевывает. Больше, чем весь наш класс, вместе взятый. Нет, не мог он взять и лишиться лицей кубка по волейболу.

Или мог? Что я вообще знаю про Брина, кроме того, что по какой-то причине он меня на дух не переносит? Но хотя бы раньше не лез ко мне, просто игнорировал и стал дружить с Ливенским.

Лучший ученик в классе, тут даже мы с Марикой отдыхаем, при этом не ботан и не зануда. Я не могу вспомнить, чтобы он делал кому-нибудь подлости, наоборот, летом, когда у Мишки Уварова случилась беда с сестрой, Свят поднял на уши класс, до каждого добрался и организовал сбор денег на лечение. Сумма хоть и не очень большая получилась, но все равно, не лишняя для Уваровых. А потом Брин уже за свои накопил шариков и игрушек и потащил всех нас в больницу к девочке. В глазах Уварова и его семьи, да и моих одноклассников Свят стал героем. А я не могла заставить себя им восхищаться, мне казалось, в этой истории есть второе дно, которое никто не видит.

И сегодня снова такое же чувство появилось — я вижу представление, как тогда в больнице, я даже исполняю какую-то роль, но совсем не представляю, что будет дальше. И ведь даже никому сказать не могу про Свята. Из-за Мякишевой, да и вряд ли мне кто-то поверит. Особенно после сегодняшнего.

Хотя, может, не все так плохо.

Я засыпаю только под утро для того, чтобы проснуться через два часа и поплестись сонной на английский.

Едва захожу в класс, сразу вижу Олю Васнецову и Римму Закирову в окружении девочек. Обе спорят о чем-то, а потом неожиданно замолкают и как по команде оборачиваются.

— О! Привет, Ёлка, — улыбается Васнецова и тут же отворачивается, Закирова кивает и внимательно следит, как я иду к своей парте. Не сразу замечаю, что разговоры в классе как-то притихли, но не обращаю на это особого внимания. Жду Лизку, которая опаздывает и высматриваю Леху. Я не теряю надежды поговорить с ним по-человечески.

— Наверное, теперь вообще его выгонят, — рассуждает Мякишева, когда мы собираемся домой после седьмого урока. В голове свинец из-за недосыпа, я едва способна слышать и воспринимать информацию.

— Почему?

— Ну, подумай сама. Его держали только ради побед, ну, то есть за него платят, как и за нас всех, но лицу не нужно снижение среднего балла по успеваемости, понимаешь? А если ему нельзя будет играть полгода, то на кой он сдался?

— Ты же несерьезно, Лиз? — возмущаюсь я. — Это если человек не может что-то делать, то он уже и не нужен?

— Ну, да. А что такого? — Мякишева равнодушно пожимает плечами. — Потапов должен тащить команду, если не может, значит, найдутся другие. Человек должен быть полезен, моя тетка постоянно говорит мне...

— Я, значит, полезная тебе? А если перестану?!

Резко останавливаюсь, да так, что Лизка пугается.

— Что значит, не будешь? Я же не про тебя. Я про Потапова и таких, как он. Ты совсем другое. Кстати, видела, куда все девки свалили так резво?

— Нет, а что?

На самом деле, мне неинтересно, но я вижу, что Лиза просто хочет сменить тему.

— А то! Они пошли плакаты новые писать к игре. А нас с тобой не позвали.

— Да ладно? Всегда же вместе делали, — недоверчиво протягиваю, а на душе уже кошки скребут. Не выдерживаю и залезаю в общий чат, а он уже забит фотками.

— Мило, да? — Мякишева заглядывает мне через плечо. — Ну, я ладно, со мной они особо не церемонились никогда, но ты?! Ёлка? Чего молчишь? Может, напишем им что-то? Совсем наглые!

— Ничего писать не будем! И ругаться тоже. Но и с пустыми руками не пойдем болеть. Сделаем сами.

Лизка бурчит, что ее тетка не отпустит в пятницу, да и вообще она не очень-то и хочет смотреть, как сборная нашего лица продует.

Плакаты мы, конечно, рисуем, но вдвоем и у меня дома. Сами придумываем слоганы, сами разукрашиваем. Получается неплохо, даже Лизка вдохновилась, но мне не хватало девчонок, их смеха, шуточек и сплетен про парней из команды. И обязательного похода в кафе всей компанией. Они ходили. Я видела фотки в ленте Марики.

— Нас не позвали даже новые кричалки тренировать. Это уже совсем никуда! — Мякишева возмущается утром в пятницу и делает это нарочито громко, на нее даже оборачиваются. — Тебя игнорят, Даш! Надо поставить их на место! За что они так? Потап тебя обвинил, потом слился. Ему как бы не очень поверили, но почему-то ты — крайняя. И я вместе с тобой.

Лизка все пытается подбить меня на выяснение отношений, но я считаю это плохой идеей особенно перед игрой. Да и вообще я не мастер конфликтовать, хотя сложно не обращать внимание на шепот за спиной.

Одна радость — два дня нет не только Потапова, но и Свята. Интересно, а на игру они придут?

В голове же прочно засела ясная и понятная мысль — я не хочу видеть Святослава Брина никогда.

Глава 15

Проиграли! Мы проиграли!

Сию в полном вакууме, пытаюсь заставить себя осознать, что все закончилось. Нет, шум вокруг стоит невообразимый, английская гимназия, которой мы только что продули, беснуется, даже их учителя орут во все горло.

А мы... ну, а мы молча переглядываемся друг с другом и, не говоря ни слова, поднимаемся с наших мест. Рука сжимает разукрашенный плотный картон, который, конечно же, не помог нашим победить. Внутри полное опустошение, но где-то в виске бьется противная мысль, которую озвучивает идущая рядом Римма:

— Если б Потапов играл, мы бы их сделали!

Тут нет сомнений даже для такого далекого от спорта человека, как я. Достаточно один раз посмотреть, на что способна наша команда с Лехой, и что без него.

— Нет, я все-таки не понимаю, им, что, не нужна победа? — Оля Васнецова демонстративно кивает на двух завучей, которые идут к выходу тремя рядами ниже. Она даже не пытается говорить тише. — Не могли, что ли, отмазать?!

Васнецовой никто не отвечает, отводят взгляды, а ее подруга Марика так вообще шикает. Шацкая идет впереди всех под руку со Святом. До последнего надеялась, может, он не придет? Не то чтобы я желала ему каких-то проблем, но не слишком бы расстроилась, если б сегодня у него вдруг разболелась бы голова, или прихватило горло. Но нет, цветет и пахнет, как говорится.

Перебрасываясь друг с другом редкими фразами, выходим, наконец, на улицу. Почти весь наш класс в сборе, еще параллель, даже моя Мякишева, и та сумела сбежать на матч от своей тетки.

— Кстати, а сам Потап так и не пришел, да? — Римма оглядывает всех нас, но задерживает свой взгляд почему-то на мне. — Ну, ясно все...забил!

— Ему непросто, — заступаюсь за Леху, не обращая внимания на легкий тычок в спину от Лизки. — Для него волейбол — это жизнь, несправедливо, что так все получилось!

— Ну, да! — смеряет меня снисходительным взглядом Васнецова. — Все уже поняли, как дорога. За косяк променял.

— Если б его не сдали, все, может, и обошлось бы. — Уваров, как и остальные, не скрывает своего расстройств.

— Нет, я реально не понимаю, зачем нас нужно было лишать кубка? — Васнецова вопрошающе смотрит на Ливенского, будто он знает, но тот лишь оборачивается на Брина.

— Потому что Потапа поймали с поличным, Оля. — отвечает Свят. — Его не просто слили, у него нашли косяк, еще и спайс. И все это на территории лицея.

— Реал, что ли? Ты не говорил! — Ливенский ошарашен не меньше нашего. — Он прилобок дурь в лицей?

— Идиот! — выдыхает Марика, и я с ней в чем-то согласна. Разве он не мог не понимать, чем это грозит?! У всего лицея были бы огромные проблемы. У директора и учителей, у родительского комитета и у нас всех!

— Интересно, о чем думал тот, кто его сдал? — неожиданно зло шипит Васнецова. — А если бы проверка? Класс, в лицее наркоту толкают?!

— Да отбились бы, — отвечает Ливенский, но не слишком уверенно. — Никто бы не дал растерзать лицей.

— Может, и не дали, но нервы бы всем потрепали, — задумчиво кивает Марика. — Да, мне тоже интересно, кто слил Потапа.

Ловлю на себе несколько заинтересованных взглядов. Нет, меня никто не обвиняет, но чего-то ждут. Язык чешется рассказать, как все было на самом деле. Все про Святого выложить! И прямо сейчас при всех громко спросить: “Что тебя от меня надо? За что ты меня ненавидишь?”

Но я молчу, нервно сжимаю свой плакат, который и выкинуть жалко, и который уже точно не пригодится.

— Ёлка, может, скажешь чего? — Васнецову слышу отчетливо и еще более ясно вижу, как она липнет к Тиму. — Может, ты не все нам сказала тогда, а?

Снова чувствую себя в центре внимания, но тут меня спасает наша команда. Парни выходят, наконец, из здания вместе с тренером. Понурые, уставшие, их тут же обступают наши и ребята из “Б”, нас с Лизкой как-то само собой оттирают в сторону.

— Я ща с голоду сдохну! — ноет Мякишева. — Есть у тебя хотя бы шоколадный батончик?

Рассеянно киваю и начинаю рыться в рюкзаке. Мое внимание на Марики, которая зовет всех к себе.

— Ну, какая вечеринка, отмечать нечего, так, посидим... Давно же толком не собирались!

От приглашений Шацкой отказываться не принято, поэтому вижу, как многие согласно кивают.

— Вот, держи! Только он протеиновый, — отдаю свой перекус Лизке. — Еще банан есть. Будешь?

— Давай!

Люблю смотреть на довольную Мякишеву, она будто добрее становится.

— Мы со Святом, Тимом и Олей сейчас выдвигаемся, — доносится командирский голос Марики. — Адрес все знают, не опаздывать. Через полчаса всех ждем!

Народ постепенно рассасывается, к тому же на улицу огромной гурьбой вывалили победители.

— Ладно, пошли отсюда, — Мякишева берет меня за руку и тянет к дороге, на которой сейчас стоит хищная машина Брина. Вижу, как Свят усаживает Марику на заднее сидение, потом Олю, рядом с ними Тим. Даже отсюда слышно, что они весело смеются, особенно подружка Марики.

— Васнецова положила взгляд на твоего Ливенского? — ухмыляется Лизка. — Ну, и дура. Ничего у нее не выйдет. Ты, кстати, поняла, что нас опрокинули с этой тусой?

— Я бы и так не поехала! — обрываю подругу, хотя в глубине души хочу быть сейчас со всеми. Хочу успокаивать ребят, говорить им, что они лучшие, просто не повезло. Я так надеялась, что меня позовут.

— Ой! — испуганно вздрагивает Мякишева и начинает отчаянно вытирать рот, потом лихорадочно засовывать остатки еды обратно мне в рюкзак.

— Ты чего? Мякишева? — не понимаю я. — Случилось чего?!

Ответа не получаю, да и он мне уже не нужен. Сама нервно сглатываю ком и быстро проверяю замки на рюкзаке. Хотя мне лично никто не запрещает есть.

— Елизавета! — к нам плывет высокая холеная женщина, которую я лично боюсь ненамного меньше, чем Брина. А Мякишева уж точно больше.

— Тетя Лариса, добры...

— Никаких тетя! — она растягивает в улыбке кроваво-красные губы и ощупывает взглядом Лизку, которая уже замерла и явно забыла, что умеет дышать. — Лариса Сергеевна!

— Простите, пожалуйста...

— Опять ела?! Открой рот! — меня тетка не видит, к счастью. Хочу трусливо сбежать, но жалко Лизку одну оставлять в такой момент. — Кто разрешал? Лиза, сразу на весы, как приедем. Ты скоро в дверь не зайдешь!

На пунцовую Мякишеву страшно смотреть, и правда, не дышит, втянула на максимум свой живот и стоит перед Ларисой, которая распространяет вокруг себя ядовито-сладкий аромат.

“Так пахнут грязные шальные бабки”, — выразился однажды Свят, когда увидел впервые тетку Мякишевой. У Лизки были проблемы с английским и не только, Ларису вызвал к себе завуч. Мякишева потом неделю на уроках не появлялась.

— Я...

— До конца недели без ужина. Без ноута и телевизора. Интернет в телефоне тоже отключу. Ой, Дашенька, — тут она замечает меня и улыбается еще шире. — Как я рада! Ну? Выиграли? Судя по всему, нет!

— А вы что здесь делаете? — осторожно спрашивает Мякишева. — Мимо ехали?

— Я за тобой! — недовольно обрывает тетка. — Мать твоя звонила, говорит, увидеться хочет. Что ты ей наплела?

— Ничего! — Лизка лихорадочно оглядывает себя со всех сторон, тербит молнию на куртке. — Может... не здесь, а? Пожалуйста!

— Думаешь, я хочу за тебя вечно краснеть?! — Лариса покрывается красными пятнами и почти не сдерживает свой буйный нрав. — Быстро в машину! С матерью она хочет увидаться! Да где была эта твоя мать, когда я ее дочерью занималась!

Мякишева едва успевает мне кивнуть, спешно бежит к припаркованному у дороги бордовому “Инфинити”. Я только и могу, что рукой ей помахать и пожелать, чтобы все обошлось.

Несмотря на молоджавость, Ларисе Сергеевне уже почти пятьдесят. Своих детей у нее никогда не было и уже не будет. Зато есть наследство от мужа, которое она с боем отвоевала у сына покойного. И Лизка.

Я неотрывно смотрю, как машина с Мякишевой отъезжает, оставляя меня одну. Пока не торопясь иду домой, думаю только о Лизке, которая мать не видела уже два года. Но когда вижу непрочитанное сообщение, почему-то думаю, что оно от Марики. Что она спрашивает, где я с Лизкой. Ведь она всех хотела звать!

Я ошибаюсь. Это Свят.

“Завтра в 10 утра. Адрес скину”.

Боже, что на этот раз?!

Глава 16

Я подъезжаю к фитнес-центру за час до назначенного Святом времени. Лучше так, чем опоздать, верно? К тому же, пришлось ехать за город, а пробки утром в субботу очень даже возможны.

Смотрю, как отъезжает такси, потом подхожу к шлагбауму и показываю свой паспорт охраннику. Тот внимательно ищет мою фамилию у себя на планшете, а затем без вопросов пропускает, и я, не торопясь, иду к главному зданию. Территория огромная, замечаю несколько теннисных кортов, здесь есть и баскетбольная площадка, и даже футбольное поле.

— Это з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.